Юрий Галич

Зеленый Май

Юрій Галичъ

ЗЕЛЕНЫЙ МАЙ

ЛАТВІЙСКІЯ НОВЕЛЛЫ

Изданіе М. Дидковскаго, Рига.
1929.

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

„Изъ подъ авто восторженная грязь
Меня забрызгала и грусть затормошила.
— Весна пришла! — я выбросилъ, смѣясь,
И рѣчь моя прохожихъ разсмѣшила.
Въ ботинкахъ новенькихъ, изъ замши, безъ
галошъ,
Блондинка хрупкая со мной протестовала.
Мы шли впередъ, съ осанкою вельможъ,
И грязь весны намъ ноги цѣловала...

ЗЕЛЕНЫЙ МАЙ.

Интермеццо у моря.

Море смѣялось...

Море смѣялось золотомъ солнца, синью знойнаго неба, ультрамариномъ воды. Такъ смѣялось когда-то море у Горькаго, южное море, Черное море...

Наше море чуть улыбается.

Блѣдно-зеленыя волны лижутъ мокрый песокъ. Тихимъ рокотомъ звенитъ пѣсня прибоя. Дремлетъ бархатный берегъ, съ дюнами, съ лайбами, съ шапкой сосноваго лѣса.

— Крррiу!.. Крррiу!.. — кричатъ и кружатся чайки...

Море не южное. И небо не дышетъ знойною страстью. Но даже въ ихъ скромной улыбкѣ много очарованiя.

Такъ улыбается дѣвушка въ неопредѣленныхъ мечтанiяхъ, изъ которыхъ знаменитый поэтъ извлекъ тысячу звучныхъ стихотворенiй.

Чуть шелеститъ морское дыханiе.

Серебристый гребень набѣгаетъ на берегъ.

Море точно заснуло и до самаго горизонта расплескало свои аметисты.

Зацвѣли черемухи, липы.

Каштанъ уже выпустилъ свои свѣчи.

Засинѣли анютины глазки. Забѣлѣли скромныя маргаритки. Запестрѣли желтымъ ковромъ одуванчики.

А пышныя гроздья сирени глядятъ изъ каждаго садика, киваютъ прохожимъ, протягиваютъ душистые поцѣлуи.

Всюду сирень — лиловая, бѣлая... Она не улыбается, а смѣется... Смѣется веселымъ, ликующимъ смѣхомъ...

Море сверкаетъ..

Прильнувъ другъ къ другу, лежатъ на пескѣ отдѣльныя парочки и мечтаютъ.

О чемъ можно мечтать въ майскій зеленый день, имѣя на плечахъ девятнадцать лѣтъ и хорошенькую головку?

Объ этомъ скажетъ поэтъ:

„Вангъ и Абіанна — жертвы сладострастья,
Нѣжились тѣлами до потери силъ,
Звякали призывно у нея запястья,
Новыхъ поцѣлуевъ взоръ ея просилъ...“

Но поэтъ не сказалъ ничего новаго. И только, въ тысяча первый разъ, повторилъ одну и ту же, старую, но прекрасную, знакомую отъ сотворенія міра, симфонію...

Море воркуетъ.

Оно раскинулось зеркальнымъ ковшомъ, дремлетъ въ истомѣ и, точно сапфиры, дрожатъ въ немъ золоченыя брызги...

Я лежу на пескѣ и также мечтаю.

Мечтаю о своей отлетѣвшей веснѣ, о пушистыхъ сиреняхъ, о задумчивыхъ женскихъ улыбкахъ...

Мечтаю о странахъ, гдѣ горитъ таинственное созвѣздіе, прибитое къ небу брильянтовыми гвоздями...

Гдѣ дни и ночи похожи на близнецовъ, а любовь и смерть сплетены въ удушающія объятья...

Медленно склоняется солнце и льетъ прощальные поцѣлуи на воду, на желтый песокъ, на кудрявыя сосны.

Море становится синимъ, какъ цвѣтокъ гентіаны.

Тишина...

Море манитъ къ себѣ, влечетъ миражною далью, отчужденностью отъ культуры.

Беззвучно перекликаются тысячи голосовъ нелюдимаго, какъ море, молчанія.

Молчанія сосенъ надъ моремъ...

Бастіонная Горка.

Когда-то это былъ ретраншаментъ, на которомъ стояли чугунныя пушки и смотрѣли въ направленіи на «Би-Ба-Бо». Ретраншаментъ былъ окаймленъ водянымъ рвомъ, совершенно неприступнымъ для наступающаго врага.

Когда, бывало, врагъ наступалъ, чугунныя пушки палили чугунными ядрами, а гарнизонъ переходилъ въ контръ-атаку.

Отогнавъ противника приблизительно къ «Маринэ», гарнизонъ возвращался обратно и три дня праздновалъ побѣду надъ непріятелемъ. Каждому солдату выдавался боченокъ пива и кухенъ со шпекомъ. А шведскому королю слали очередную реляцію.

Это было давно, такъ давно, что ни одинъ старожилъ не припомнитъ. Только Пороховая Башня да старый пѣтухъ на Петровской киркѣ могли бы поразсказать не мало интересныхъ исторій...

Какъ сухія листья съ деревьевъ, улеталъ одинъ годъ за другимъ. Городъ росъ не по днямъ.

Поржавѣли пушки и, за ненадобностью, ихъ свезли въ арсеналъ. Засыпали бойницы и стѣны, а вмѣсто частокола посадили деревья. Но старый ретраншаментъ остался, какъ памятникъ старины.

А деревья росли и росли.

Дубки и липки превратились въ дубы и липы солиднаго возраста. Широковѣтвистыя кроны раскинулись словно бесѣдки. Аллеи потонули въ сумракѣ зелени.

И по этимъ аллеямъ, генералъ губернаторъ, свѣтлѣйшій князь Италійскій, любилъ совершать, когда-то, утреннюю прогулку...

Въ тихій вечерній часъ, когда утомленный дневной суетой городъ, мало по малу, погружается въ сладкую дрему, оживаетъ Бастіонная Горка.

Густая листва спасаетъ отъ зноя.

Свѣжестью и прохладой тянетъ отъ Городского Канала.

А по мѣрѣ восхожденія къ высотѣ, къ острому пику, увѣнчанному грибомъ-кофейной, горный воздухъ освѣжаетъ усталую грудь.

Высота эта, конечно, уступаетъ Монблану.

Вмѣсто альпенштока и спеціальныхъ, подбитыхъ гвоздями ботинокъ, любой туристъ совершитъ восхожденіе при помощи обы-

кновеннаго зонтика или трости. Но если отмѣтить, что высота подымается къ небесамъ изъ самаго центра города, что при нѣкоторой долѣ воображенія создаетъ иллюзію джунгли, съ тѣнистой прохладой, съ папоротниками, съ загадочными цвѣтами, напоминающими ирисъ и орхидеи -- станетъ понятнымъ очарованіе Бастіонной Горки.

Дорожка, точно гигантскій боа-констрикторъ, вьется кверху причудливыми зигзагами. Уже бэль-этажъ сосѣднаго дома, по бульвару Зигфрида Мееровица, приходится вровень съ головою туриста. Еще нѣсколько шаговъ — и восхожденіе кончено.

Здѣсь можно полюбоваться роскошною панорамой.

Съ одной стороны — Отто Шварцъ съ сверкающими витринами, съ экспортными новинками гастрономіи, съ бананами и паштетами, съ калифорнійскими фруктами, съ совѣтской икрой.

Съ другой стороны — синяя лента Канала, по которому скользятъ шлюпки, лодочки, челноки, съ веселыми кавалерами, съ дѣвушками въ нарядныхъ національныхъ одеждахъ. Звучатъ пѣсни и дѣвичій смѣхъ. А черезъ листву, сквозь дымное марево, блеститъ голубой куполъ храма...

Съ вершины пика несутся звуки джазъ-банда.

Всѣ столики заняты. По кустамъ бузины и сирени прыгаетъ воробьиная стая,

скачетъ между столами, подбирая воровскимъ образомъ хлѣбныя крошки.

Бастіонная Горка — штабъ-квартира пернатаго царства.

Всѣ рижскіе воробьи собираются на этой вершинѣ и совершаютъ здѣсь таинственныя радѣнія. Что привлекаетъ ихъ—неизвѣстно. Вѣрнѣе всего то, что привлекаетъ каждую птицу, имѣющую крѣпкій клювъ и просторный желудокъ.

Струнный секстетъ играетъ модные танцы.

Расторопные ганимеды лавируютъ между столами. Вспыхнуло электричество, зажглись лампіоны и свѣтовыя рекламы. Черный пологъ опускается надъ вершиною пика. Тихо мерцаетъ семизвѣздной короной Большая Медвѣдица.

Въ этотъ часъ особенно хорошо на Бастіонной Горкѣ.

Здѣсь можно, въ задушевной бесѣдѣ, провести рядъ пріятныхъ минутъ. Здѣсь можно обмѣняться съ сосѣдкой многообѣщающею улыбкой...

Здѣсь можно, наконецъ, выпить чашку душистаго мокка или кофе по-рижски, не только съ битыми, но даже съ воробьиными сливками...

Верманскій Паркъ.

Чуденъ Верманскій паркъ въ майскую пору, когда свѣжая зелень каштановъ убираетъ его пышнымъ шатромъ! Когда распускаются липы и расцвѣтаетъ «розаріумъ», возлѣ двухъ бронзовыхъ львовъ, стерегущихъ сѣрый памятникъ изъ гранита:

„Фрау Верманъ,
геборене
Эбель.“

Если за входъ берутъ тридцать сантимовъ и ожидается выступленіе баритона — въ паркѣ ни густо, ни пусто.

Но если за входъ не берутъ ничего, а вмѣсто баритона ожидается концертъ симфоническаго оркестра — въ паркѣ не протолкаться.

Всѣ скамьи заняты публикой.

Молодые и старые, пиджаки и военные френчи, ситецъ и шелкъ женскихъ ножекъ всѣхъ формъ, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, мелькаютъ на фонѣ листвы.

На площадкахъ дѣти играютъ въ футболъ, въ собственный дѣтскій футболъ, съ беками и хавбеками, и даже съ голкиперомъ, а вмѣсто большого кожанаго мяча, по головамъ публики, скачетъ маленькій резиновый мячикъ.

На эстрадѣ движеніе.

Одна за другой появляются скрипки, контрабасы и флейты, віолончель и кларнеты, первая труба и тромбонъ...

Прекрасенъ Верманскій паркъ, жемчужина нашего города, расположенная въ центрѣ столицы!

Кого не привлекаетъ этотъ роскошный оазисъ подъ свои зеленые своды, кого не манитъ свѣжимъ озономъ тюльпановъ, лилій и розъ?

Вотъ, напримѣръ, Роза Абрамовна.

— Вы хорошо смотрите! — говоритъ Роза Абрамовна, уступая мѣстечко. — Загорѣли, помолодѣли... Абраша, мое золото, скажи дядѣ здравствуй!

Съ Розой Абрамовной мы знакомы три года. Три года подрядъ мы встрѣчаемся въ Верманскомъ паркѣ, на концертахъ симфоническаго оркестра. Роза Абрамовна была моей квартирной хозяйкой, исключительной квартирной хозяйкой, какихъ больше нѣтъ.

— Прекрасный концертъ! — говоритъ Роза Абрамовна и вынимаетъ платочекъ. —

Абраша, не держи руки въ носѣ!.. Мое золото!.. Ты вѣдь у меня умный мальчикъ?

А публика прибываетъ и прибываетъ...

Варшавскій маэстро, въ лаковыхъ штиблетахъ и фракѣ, появляется на эстрадѣ.

Въ отвѣтъ на аплодисменты, склоняетъ съ улыбкою голову, потомъ извлекаетъ изъ кармана очки, взглядываетъ на первую скрипку, на молодую арфистку и, граціознымъ движеніемъ, подымаетъ дирижерскую палочку.

Взвизгнули скрипки, разсыпалась флейта, бархатной трелью зарокотали валторны, загудѣли контрабасы.

— Ру-ру-ру!— запѣла труба.

— Бумъ! — точно тяжелая артиллерія, брякнулъ турецкій барабанъ.

Публика аплодируетъ.

На эстраду вносятъ цвѣты. Маэстро прижимаетъ руку къ груди, широкимъ жестомъ указываетъ на концертмейстера и скрывается въ глубинѣ раковины.

А потомъ, слѣдуетъ фантазія изъ «Карменъ», сладкозвучный Сибеліусъ, Пуччини, Бетховенъ. Программа заканчивается «Сказками вѣнскаго лѣса»...

Словно доброе тангейзеровское пиво переливается мелодія легкокрылаго вальса. Медленно падаетъ майская ночь. Въ небѣ, точно орденъ Трехъ Звѣздъ, вспыхнули первыя звѣзды.

Въ темныхъ аллеяхъ слышенъ заглушенный шопотъ...

Лотошники на Взморьѣ.

Небо тоскливо и хмуро. Съ жалобнымъ стономъ кружатся чайки. Скорбно рыдаетъ прибой.

Въ такой день скучно на пляжѣ.

Сосны, дюны, песокъ — и ни единой собаки!...

Узенькій переулокъ ведетъ въ «Казино». Симфоническій оркестръ играетъ «Смерть Азы». Въ саду сидитъ публика и дрогнетъ подъ сѣнью каштановъ.

Но, мало по малу, ряды рѣдѣютъ.

Одинъ за другимъ, люди подымаются со скамеекъ и направляются къ деревянному павильону.

Здѣсь — лото.

Знаменитое лото Булдури!

„Барышня, лучшая въ мірѣ,
Громко щебечетъ подрядъ:
10, 13, 4,
2, 42, 50...“

Въ лото играетъ публика демократическая.

Ганимеды, прикащики, парикмахеры...

Модистки и горничныя, содержатели маленькихъ пансіоновъ...

Дачницы, ухажеры, дамы неопредѣленныхъ профессій...

Ярко горитъ электричество. Золотокудрыя яункундзе, въ свѣтлыхъ чулочкахъ, порхаютъ между столами, раздаютъ карточки, принимаютъ сантимы и латы.

Дребезжитъ звонокъ.

Игра начинаются.

— Десмитъ — десять!...

—Четердесмитъ четри—сорокъ четыре!...

Рядомъ со мною сидитъ старушка, отъ которой пахнетъ плѣсенью и нафталиномъ. Визави — рыжій шоферъ, съ кокомъ и звѣриною челюстью.

Старушка играетъ на одну карту, низко склонившись надъ цыфрами, зажавъ въ кулачкѣ горсть мѣдныхъ монетокъ. Ей не везетъ. Она тихо вздыхаетъ и дѣлаетъ передышку, отказываясь отъ новой игры.

Шоферъ — человѣкъ иного порядка.

Одѣтъ онъ по модному, въ черный жакетъ съ фіолетовымъ галстукомъ. На указательномъ пальцѣноситъ «брильянтъ» въ пятнадцать каратовъ, а на груди цѣпку изъ солиднаго варшавскаго золота.

Играетъ онъ широко, на цѣлыхъ пять картъ и небрежно швыряетъ на столъ двухлатовыя монеты. Когда у него образуется «кварта», лицо расплывается еще шире. При проигрышѣ, грозитъ яункундзе своимъ драгоцѣннымъ перстомъ. А барышня улыбается:

„Взоры ея — огневица,
Губы алѣе зари.
20, 11, 30,
7, 35, 23, .“

Иногда, — здравствуйте, пожалуйста! — по необъяснимой причинѣ, электричество гаснетъ.

Тогда малый бѣжитъ въ сосѣднюю лавку и покупаетъ три фунта стеариновыхъ свѣчъ.

Игра продолжается:

— Диви — два!..

— Астони — восемь!...

— Дѣзганъ! — кричитъ шоферъ, стучитъ волосатымъ кулакомъ по столу, протягиваетъ барышнѣ карточку.

„Барышня, городъ мы бросимъ,
Будемъ на волѣ гулять!
10, 14, 8,
3, 36, 25...“

Счастливому игроку, на подносѣ, вручается выигрышъ...

Заложивъ руки за спину, между столами прогуливается шефъ.

Онъ солиденъ и важенъ, а румяное лицо напоминаетъ методистскаго пастора. Шефъ обходитъ играющихъ, вглядывается въ нихъ и разсуждаетъ, приблизительно, такъ:

— Этотъ столикъ построитъ мнѣ касторовую визитку!..

— На этотъ — я куплю лаковыя ботинки и новую шляпу!..

— Ну, а здѣсь — шантрапа!... Не очистится даже на подвязки для моей Мильды!.. А, впрочемъ, и это славные люди!.. Помоги имъ Создатель!...

И шефъ молитвенно возноситъ глаза къ потолку...

Приключенія Барона Мюнхгаузена.

Это было вчера, въ одномъ изъ клубовъ, гдѣ играютъ въ преферансъ и прочія игры...

Я поставилъ на карту все свое состояніе и еще одинъ латъ.

Рискъ — благородное дѣло!

И представьте?

Къ жиру банкометъ даетъ мнѣ десятку, а себѣ покупаетъ къ очку даму пикъ.

— Въ банкѣ очко! — объявляетъ крупье. — Деньги на столъ!.. У васъ жиръ!

Я не могу согласиться:

— Какъ жиръ?.. А это не очки?

Я срываю съ носа банкомета очки и бросаю на столъ:

— Два очка!.. Понтъ выигралъ!.. Деньги на столъ!

— Къ сожалѣнію, это не очки, а пенснэ! — спокойно заявляетъ крупье.

Проклятіе!.. Онъ правъ!..

Всетаки я не сдаюсь:

— Но вы же купили даму?

И я бросаю на столъ свою сосѣдку:

— Анъ картъ!

— Извиняюсь, я дѣвушка, а не дама! — скромно заявляетъ сосѣдка.

Каррамба!..

Мнѣ рѣшительно не везетъ!

Я выскакиваю на улицу.

Погоня преслѣдуетъ меня по пятамъ.

Въ одно мгновенье — я въ Верманскомъ паркѣ. На эстрадѣ стоитъ сорокасильный «Икаръ» инженера Пулиня. Я быстро расталкиваю толпу и накручиваю пропеллеръ.

Вжжжъ!

И я въ облакахъ.

Надъ Старымъ Городомъ я принужденъ къ сожалѣнію, снизиться. Пока я накручивалъ пропеллеръ, воры украли бензинъ.

Я отдѣляюсь отъ аэроплана и, черезъ мгновенье, сижу верхомъ на пѣтухѣ Домской кирки.

Роскошная панорама!

Весь городъ, какъ на ладони!

На Известковой улицѣ кипитъ торговля. Двѣсти тысячъ человѣкъ сидятъ въ «Кафэ де л'Опера» и пьютъ кофе по-рижски.

На ипподромѣ бѣгаютъ лошадки. Двѣсти тысячъ человѣкъ стоятъ у кассы тотализатора и всѣ берутъ на «Ластъ-Шійтъ» въ ординарѣ.

Двѣсти тысячъ направляются къ зданію Сейма благодарить депутатовъ Дубина, Нурока и Лазерсона.

Это новые латвійскіе подданные...

Однако, пора обѣдать.

Обѣдаю я сегодня въ «Альгамбрѣ», въ обществѣ красавицы Нана де Херрера...

Я вынимаю изъ кармана газету «Педея Бриди» и пользуясь ею, какъ парашютомъ, спускаюсь на землю.

— Проклятіе!

Неожиданно подымается шквалъ и я — въ Двинѣ.

— Караулъ! — кричу я — Сто латовъ тому, кто спасетъ меня!

Тысячи рукъ протягиваются мнѣ на помощь. Тысячи голосовъ подаютъ мнѣ дружескіе совѣты:

— Баронъ, гребите руками!

— Баронъ, держитесь къ берегу!

— Баронъ, не пейте сырой воды!

На мое счастье стоитъ наша эскадра. Буекъ съ подводной лодки летитъ надъ моей головой. Черезъ мгновеніе, хватаюсь за перископъ.

Я спасенъ!

Толпа окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ. Фотографы щелкаютъ аппаратами. Репортеры умоляютъ дать интервью.

Но я избѣгаю рекламы и говорю своему дворецкому:

— Марта, не принимать никого!

Двина вознаградила меня за купанье.

Я запускаю руку въ карманъ и вытаскиваю двѣ калы свѣжей стремиги:

— Приготовь мнѣ уху! — говорю, съ важнымъ видомъ, дворецкому.

— А на второе — лососину фритъ!

И изъ жилетнаго кармана извлекаю лососку...

Храмъ Терпсихоры.

Храмъ изящной богини пластическаго искусства стоитъ въ самомъ центрѣ нашей столицы.

Съ одной стороны, онъ укрытъ отъ нескромнаго взора непосвященныхъ желтымъ массивомъ Національной Оперы, съ другой —омывается благовоніемъ Городского Канала.

Это небольшой павильонъ, въ дорическомъ стилѣ, съ длиннымъ рядомъ окошекъ и огромной трубой, напоминающей минаретъ. Каково было первоначальное назначеніе этого зданія—неизвѣстно. Но его связь съ Олимпомъ не оставляетъ сомнѣнія...

Представьте нѣчто вродѣ притвора, отдѣляющаго таинственный уголокъ, занавѣшанный непроницаемой тканью. Это—алтарь, святая святыхъ, другими словами—уборная юныхъ весталокъ. Большое зало окаймлено гирляндой электрическихъ лампочекъ. Тутъ же — инструментъ съ клавишами, за которымъ сидитъ почтенная жрица.

Слѣва, на возвышеніи, сидитъ главный священнослужитель. А зала наполнена роемъ молодыхъ дѣвушекъ, порхающихъ на подобіе мотыльковъ, настоящимъ букетомъ бѣлыхъ, голубенькихъ, синихъ цвѣтовъ, выкидывающихъ граціозные антраша...

Священнодѣйствіе въ полномъ разгарѣ.

Маэстро — худощавый маленькій человѣкъ, съ темнымъ бобрикомъ, съ пенснэ на носу, сидитъ на стулѣ и ударяетъ камышевой тросточкой по паркету:

— Разъ-два три!.. Разъ-два-три!.. Разъ-два-три!..

И подъ звуки музыкальной мелодіи, десятка два балеринъ, въ бѣлыхъ «пачкахъ» и въ газовыхъ туникахъ, стройно и четко, съ бойкой экспрессіей, скользитъ по паркету, взвивается, кружится, исполняя всевозможные коръ-де-бра, гранъ-батманъ, шанжеманъ-де-пье и прочіе пируэты...

Маэстро—поклонникъ старой классической школы.

Революціонныя новшества и голоножныя достиженія покойной Айседоры Дунканъ онъ рѣшительно отметаетъ, равно, какъ и модное увлеченіе фоксъ-троттомъ, джимми, чарлстономъ.

Знаменитый Маріусъ Петипа былъ его учителемъ и наставникомъ. Кшесинская, Павлова, Гельцеръ, Преображенская и Трефилова, Карсавина и Спесивцева, Фокинъ,

Кякштъ и цѣлая плеяда свѣтилъ меньшей величины — его ближайшіе сослуживцы по императорскому балету.

Хореографическое искусство, какъ всякое искусство, требуетъ большого труда и настойчивости. Тѣло балетнаго артиста или артистки, доведенное до совершенства, состоитъ изъ однихъ сухожилій и мускуловъ, напоминающихъ стальную пружину. Всѣ части тѣла развиваются въ тѣсной гармоніи. Человѣческія движенія облагораживаются до неузнаваемости, плѣняя пластической закругленностью и строгимъ изяществомъ линій...

— Взгляните на это! — произноситъ маэстро, указывая кончикомъ тросточки на четыре десятка порхающихъ дѣвичьихъ ножекъ.

— Вы полагаете, что это нога? — спрашиваетъ маэстро.—Какъ бы не такъ, кругомъ шестнадцать!.. Смѣю увѣрить, что это не такъ!.. Это—нога, но какая нога?.. Нога культурная, нога интеллигентная, нога съ высшимъ образованіемъ!

Маэстро на минуту задумывается:

— Есть нога грамотная, есть талантливая, наконецъ, есть нога геніальная... Въ этомъ отношеніи, я проведу аналогію... Напримѣръ—Данте и Мордкинъ!.. Или, съ одной стороны—Микель Анджело Буонаротти, Наполеонъ, Левъ Толстой, а съ другой—Фанни Эльслеръ, Вирджинія Цукки, Анна Павлова!.. Кругомъ шестнадцать, что вы на это скажете?

Я снова взглядываю на ножки съ «высшимъ образованіемъ» и мнѣ кажется, что маэстро правъ въ своемъ оригинальномъ сравненіи...

Златорунныя Мильды и Гильды, румяныя Эммочки, черноглазыя Доры и русыя Вареньки, словомъ, всѣ національности нашего города, имѣютъ здѣсь своихъ представительницъ.

Вотъ, напримѣръ, одна. Изъ скромности, я называю ее просто Мусенькой. Стройная, статная, съ миловидной головкой и едва намѣченной грудью, съ мускулистыми ножками, съ изумительнымъ изяществомъ всѣхъ движеній, она имѣетъ данныя стать латвійскою Цукки.

Принявъ нужную позу, округливъ голыя ручки и ставъ на «пуанты», она мчится и кружится пируэтами черезъ всю залу, граціозно изгибая головку. Извиваются упругія бедра, отъ напряженія чуть вздрагиваютъ мускулы на голенькихъ ножкахъ, свѣжій румянецъ разливается по щекѣ...

— Дорогой мэтръ, что вы скажете о нашемъ балетѣ?

Маэстро на минуту задумывается;

— Какъ вамъ сказать?.. Четыре балета прошли... «Тщетная предосторожность», «Баядерка», «Пахита» и «Волшебная флейта»... Но для постановки балета на твердую почву необходимы прежде всего латы, латы и латы!.. А ихъ нѣтъ... Вмѣсто этого есть рядъ

условій, затрудняющихъ раціональную постановку балетнаго дѣла. Сколько капризовъ!.. Сколько стѣснительныхъ мелочей!

Маэстро вздыхаетъ и кончикомъ трости указываетъ на туфельку Мусеньки:

— Взгляните на этотъ неодушевленный, но имѣющій огромное значеніе въ нашемъ искусствѣ предметъ!.. По нашей терминологіи, это называется танцовальный башмакъ... Два центра заняты его міровымъ производством—ъПарижъ и Миланъ... Старый императорскій балетъ выписывалъ его цѣлыми транспортами и обходился онъ чрезвычайно дешево...

— У насъ этотъ вопросъ стоитъ иначе!.. Себѣстоимость его, скажемъ, четыре лата, а пошлина стоитъ шестнадцать... Это, батенька, еще хуже чѣмъ апельсины!.. А жизни ему всего три дня... Нѣсколько энергичныхъ движеній въ «шанжеманъ-де-пье» и — башмака нѣтъ!

Маэстро неожиданно вспыхиваетъ:

— Я настаиваю, я категорически требую, наконецъ, я подымаю кампанію въ пользу сниженія таможенныхъ пошлинъ съ танцовальнаго башмака!.. Какъ представитель вліятельной прессы, вы мнѣ поможете!.. Кругомъ шестнадцать!

И маэстро снова задумывается, механически отбивая тросточкой темпъ:

— Разъ-два-три!

— Разъ-два-три!

— Разъ два-три!

Летучіе интервью.

Ванъ-Риль.

Это звучитъ почти, какъ Ванъ-Дикъ!
Какъ Ванъ-Зандтъ или Ванъ-Дименъ!
На всѣхъ поприщахъ знаменито голландское имя. А кто не знаетъ голландскаго сыра, голландскаго полотна, голландскихъ сельдей, голландскихъ тюльпановъ изъ Гаарлема?

Ванъ-Риль, однако, не геніальный портретистъ-живописецъ, не колоратурное сопрано — соперница Патти, и не отважный пѣнитель морей, давшій, въ свое время, имя Тасманіи.

Ванъ-Риль — мастеръ бра-руле и кравата.

Въ этомъ искусствѣ, онъ такая же величина, какъ Ванъ-Дикъ въ области красокъ, какъ Ванъ-Зандтъ въ вокальной, а Ванъ-Дименъ — въ географической и этнографической...

Маринусъ Ванъ-Риль родился въ Амстердамѣ, полвѣка тому назадъ.

Столяръ по профессіи, спортсменъ по натурѣ, Ванъ-Риль очень быстро отыскалъ ту дорогу, которую ему предуказала сама мать-природа. Ибо при вѣсѣ въ сто десять

кило и ростѣ въ 1,84 метра, рамки столярной мастерской становятся тѣсными.

Двадцати лѣтъ отъ роду, Ванъ-Риль выступаетъ впервые, какъ атлетъ-любитель.

Черезъ одинъ годъ, уже участвуетъ, какъ профессіоналъ, въ петербургскомъ чемпіонатѣ, и занимаетъ первое мѣсто.

А затѣмъ, цѣлый рядъ громкихъ побѣдъ во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Ванъ-Риль пользуется широкой извѣстностью. Менажеры охотятся за нимъ, какъ за пушнымъ звѣремъ. Ванъ-Риль—«вельтмейстеръ», одинъ изъ міровыхъ борцовъ перваго класса.

Помимо роста и вѣса, Ванъ-Риль обладаетъ техникой, совершенно исключительной въ его классѣ тяжеловѣсовъ. Этимъ, по преимуществу, и объясняются его побѣды...

Время, однако, беретъ свое и сейчасъ Ванъ Риль, конечно, не тотъ, какимъ былъ до войны. Когда имя его не сходило со страницъ спортивныхъ журналовъ, а петербуржанки и москвички сходили съума отъ молодого голландца.

Но многое все же осталось.

Та же стройная, высокая, мускулистая фигура. Та же блестящая школа. Та же стремительность и желѣзная хватка.

Ванъ-Риль — послѣдній изъ могиканъ, дебютировавшихъ, съ такимъ шумнымъ успѣхомъ, въ русскихъ столицахъ.

Не стало Луриха, Аберга, Понса.

Нѣтъ больше Вахтурова и Рауля ле Буше, Абса, Кащеева, Мурзука, Циклопа-Бѣньковскаго, феноменальнаго турка Нурлы.

Одни погибли въ огнѣ гражданской войны.

Другіе, какъ старикъ Пытлясинскій, Гакеншмидтъ, Збышко-Цыганевичъ, финнъ Туомисто, бельгіецъ Констанъ ле Маренъ, Буль, Спуль, негръ Анастасъ Англіо, индусъ Кахута, манчжуръ Муханура и прочіе — закончили свое ремесло.

Изъ старой гвардіи, продолжающей подвизаться на международныхъ аренахъ, можно назвать развѣ только Поддубнаго, Корнацкаго, Заикина да Ванъ-Риля...

Вотъ, пожалуй, и всѣ.

На смѣну пришла молодежь...

Все это разсказываетъ Ванъ-Риль и въ его голосѣ звучитъ тоска по Россіи.

Ванъ-Риль любитъ Россію, привыкъ къ Россіи, Россія создала ему славу. И теперь остались только воспоминанія да національная голландская лента, сине-бѣло-краснаго цвѣта, столь напоминающая русскій національный цвѣтъ...

Ванъ-Рилю нравится Рига:

— Холодно, это правда, но скоро будетъ тепло!

— Дорого, но гдѣ теперь дешево?

Прекрасные скверы, роскошные магазины, интересныя женщины.

Оживленныя улицы и хорошо развитое автомобильное сообщеніе, хотя кажется, нѣтъ еще Форда послѣдней модели.

— Впрочемъ, это не важно!

Да и къ чему намъ Фордъ, если у насъ есть Арманъ Александровичъ Бредфордъ?..

„Черная Маска“.

Атлетъ принимаетъ въ уборной, маленькой комнаткѣ, которая становится еще меньше, когда Тимофей Васильевичъ выпрямляется во всѣ свои сто девяносто два сантиметра.

Въ распоряженіи четверть часа — срокъ вполнѣ достаточный, чтобы зашнуровать ботинки и, одновременно, передать краткія біографическія свѣдѣнія.

Кто такой Тимофей Васильевичъ?

Само собой разумѣется, стопроцентный русакъ и коренной петербуржецъ. Фамилія его также русская. Но сообщить ее мы не вправѣ, пока Тимофей Васильевичъ не ляжетъ лопатками на коверъ.

Можно только сказать, что первая буква его фамиліи совпадаетъ съ первой буквой фамиліи знаменитаго русскаго композитора, съ величайшей вершиной Южной Америки, съ кавказскимъ виномъ, съ бѣлокрылою птицей, съ китайскимъ напиткомъ, съ приволжскимъ городомъ, наконецъ, съ первой буквой фамиліи извѣстнаго англійскаго консерватора, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Это достаточно ясно...

Тимофей Васильевичъ — разносторонній спортсменъ. Спортомъ онъ занимается съ молодыхъ лѣтъ, состоялъ членомъ «Атлетическаго общества» графа Рибопьера, а въ Шуваловской школѣ получилъ даже званіе магистра плаванія первой степени.

Передъ самой войной, былъ командированъ въ Ригу для участія въ «Олимпіадѣ», въ качествѣ лучшаго русскаго пловца. И если не переплылъ пока Ламаншъ или другой водный бассейнъ, то произошло это по независящимъ отъ него обстоятельствамъ.

Во время войны состоялъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ тренеромъ Лустало, инструкторомъ плаванія на гардемаринскихъ классахъ морского кадетскаго корпуса.

Съ большевицкимъ переворотомъ, покинулъ столицу и укатилъ на солнечный югъ, въ Одессу, подъ сѣнь французскихъ штыковъ. Съ французской эвакуаціей, сѣлъ на коня и, сдѣлавъ съ польскими легіонерами тысячу верстъ, прибылъ въ Варшаву.

Съ этихъ поръ начинается его настоящая дѣятельность. Польша, Чехословакія и Румынія, Сербія и Болгарія, Турція, Греція, Испанія, Португалія—свидѣтели его славы. Въ Германіи атлетъ получилъ званіе «чемпіона міра», въ полутяжеломъ вѣсѣ.

Тимофей Васильевичъ является одновременно исключительнымъ мастеромъ легкой атлетики, бокса и турецкой борьбы. Это тотъ же американскій «кэчъ эсъ ю кэнъ кэчъ», съ тою разницей, что тѣла борцовъ предварительно смазываются оливковымъ масломъ.

Тимофей Васильевичъ — нансенистъ и, по этой причинѣ, нѣсколько связанъ въ своихъ передвиженіяхъ. Опредѣленной квартиры у него нѣтъ.

— Я какъ перелетная птица!.. Весною тяну на сѣверъ, зимою на югъ! — говоритъ

Тимофей Васильевичъ. — На харчи жаловаться нельзя!.. Жую кусокъ хлѣба и даже съ масломъ!

Въ Ригѣ атлетъ живетъ у родныхъ, ведетъ правильный образъ жизни, слѣдитъ за своей формой. Однако, не прочь прибавить лишнихъ десять кило, которыхъ ему не хватаетъ для тяжелаго вѣса. По его мнѣнію, въ Ригѣ это можно сдѣлать легко:

— Симпатичный, питательный, гастрономическій городъ!

Въ заключеніе, касаясь его фамиліи, можно сказать, что она состоитъ изъ восьми буквъ, а по упрощенной орфографіи всего изъ семи.

Но какъ эмигрантъ и бѣлогвардеецъ, Тимофей Васильевичъ не признаетъ совѣтскаго правописанія и послѣднюю букву своей фамиліи выводитъ даже съ особливымъ нажимомъ и росчеркомъ.

Такимъ образомъ, маска Черной Маски почти открыта.

Проницательный умъ расшифруетъ все остальное...

Янъ Лескиновичъ.

— Успѣхъ борца — это кривая координаты!—говоритъ Янъ Лескиновичъ. — Форма борца—это МВ квадратъ, дѣленное на два, измѣняющееся въ зависимости отъ многихъ

условій!.. В Аргентинѣ меня побѣдилъ баскъ Очуа... Я вышелъ лишь на второе мѣсто!

Съ такой «кривой» можно, въ сущности, помириться. Особенно, если принять во вниманіе, что на международный чемпіонатъ, въ Буэносъ-Айресѣ, стеклось свыше двадцати борцовъ съ міровымъ именемъ.

А кромѣ того. не слѣдуетъ забывать поговорку, нѣсколько измѣненную въ отношеніи національнаго признака:

„Что аргентинцу здорово, то латышу смерть!"

Аргентинскій климатъ общеизвѣстенъ. Жара чудовищная, жара убійственная, жара испепеляющая душу и тѣло.

Лескиновичъ потерялъ изъ своего М — десять кило. Сейчасъ вернулъ пятнадцать и чувствуетъ себя въ недурной формѣ.

— Аргентина производитъ пріятное впечатлѣніе! — продолжаетъ атлетъ. — Въ особенности, Буэносъ-Айресъ или иначе — городъ «Прекраснаго Воздуха»... Это городъ-гигантъ, съ трехмильоннымъ населеніемъ, съ ослѣпительной роскошью... Это—Парижъ на берегу океана, яркій, шумный и элегантный... Красавицы-женщины и щеголи мужчины... Внѣшность играетъ главную роль... Успѣхомъ пользуется все то, что «бонито», то есть хорошо и красиво!

— Аргентина колоссально богата! — съ увлеченіемъ передаетъ Лескиновичъ свои южно-американскія впечатлѣнія. — Это страна будущаго!.. Роскошная, интересная, удивительная страна!

Атлетъ улыбается, обнаруживая два ряда зубовъ, которымъ можетъ позавидовать любая принцесса экрана. Его чистое, свѣжее и здоровое, кровь съ молокомъ, лицо становится еще болѣе привлекательнымъ. Янъ Лескиновичъ, какъ извѣстно, бывшій военный и, въ качествѣ офицера, принималъ участіе въ великой войнѣ. Военная профессія наложила на него отпечатокъ. Его манера борьбы безупречна. Могучая сила, въ соединеніи со свѣжестью и выдающейся техникой, выдвинула его въ первые ряды міровыхъ чемпіоновъ. Особенно хороши суплессы молодого атлета, которыми онъ, по очереди, укладываетъ своихъ противниковъ на коверъ.

Янъ Лескиновичъ продолжаетъ разсказъ:

— Экспансивный характеръ южанъ любитъ яркія зрѣлища—скачки, борьбу, боксъ, футболъ, танцы... Вечеромъ, когда спадетъ зной, народъ высыпаетъ на улицы и растекается по ночнымъ кабачкамъ... Это потребность каждаго аргентинца!

—Есть кабачки спеціально для женщинъ —«паръ сеньорасъ», есть спеціально мужскіе—«паръ кабаллеросъ», есть общіе или «пара фамиліасъ», гдѣ пьютъ вино, веселятся, слушаютъ музыку и танцуютъ танго, настоящее аргентинское танго, о которомъ европейцы не имѣютъ понятія!

Маникюръ, педикюръ, парикмахеры и чистильщики ботинокъ — едва-ли не самыя распространенныя профессіи... Это дѣлаетъ человѣка—«бонито»!..

Янъ Лескиновичъ, на минуту, задумывается:

— Какъ ни хорошо въ Аргентинѣ, а на родинѣ лучше!.. На этотъ разъ, впрочемъ, я могъ ее и не увидѣть... У острова Мадейры насъ захватилъ страшный циклонъ... Такой бури я никогда не видалъ... Это былъ адъ!

И симпатичный атлетъ смѣется такъ, что дрожатъ бутылки на стойкѣ.

Борьба съ Шанхаемъ и Вильдманъ Хаимъ.

Мы застаемъ еврейскаго чемпіона за необычнымъ занятіемъ.

Въ жилеткѣ, съ засученными рукавами, въ полосатомъ передникѣ, опоясывающемъ могучій торсъ, Хаимъ Вильдманъ стоитъ у плиты и мѣшаетъ ложкой въ горшкѣ. Запахъ лука и паприки наполняетъ комнату.

Это—спеціальное блюдо, гуляшъ по венгерски, которое Вильдманъ готовитъ по случаю своихъ именинъ.

— Въ этомъ году я въ доброй формѣ!— говоритъ Вильдманъ, продолжая мѣшать ложкой и, время отъ времени, пригубливая аппетитное варево.—Чемпіонатъ въ Неаполѣ былъ зеръ гутъ! . Соли треба трошки прибавить!.. Я получилъ эрсте прайсъ!..

Хаимъ Вильдманъ — старый атлетъ, чудовищной силы. Одинъ изъ сильнѣйшихъ

людей въ мірѣ, какъ утверждаютъ компетентные люди. По прежней профессіи, онъ рѣзникъ. Въ настоящее время считается выдающимся борцомъ-профессіоналомъ. Ему недостаетъ ловкости. Но сила его феноменальна. Его передній поясъ и, въ особенности, зажимъ рукъ чрезвычайно опасны. Ноги и торсъ—несокрушимая глыба гранита. Руки, словно клещи желѣзнаго спрута. По натурѣ же—это человѣкъ въ высшей степени добродушный.

Но Вильдманъ, кромѣ того, коммерсантъ. Въ Будапештѣ у него имѣется «дѣло». Такимъ образомъ, время распредѣляется поровну, между лавкой и спортомъ.

— Маэстро, гдѣ вы работали зимой?

— Зимой?.. Зимой я працовалъ въ Бѣлградѣ!—говоритъ Хаимъ Вильдманъ, щедро посыпая солью гуляшъ. — Мы подѣлили съ Заикинымъ деръ эрсте ундъ цвайте прайсъ.. Перцу тоже треба трошки прибавить..

— Какъ вамъ понравился Неаполь?

— Неаполь?.. Послѣ Пешта это есть самый ладный городъ на свѣтѣ... Кило бѣлаго хлѣба коститъ цвай чентезимо... Бараній бокъ, воловье ребро — полъ лиры за кило... А макароны и рыба, щупакъ тамъ альбо селедка—совсѣмъ за даромъ... Хорошій городъ!

— Маэстро, а когда же въ Россію?

Хаимъ Вильдманъ смѣется:

— Нэ, нэ, нэ!.. Только не заразъ!.. Черезъ два года!.. Мы, венгерцы, не любимъ большевиковъ!..

Вильдманъ зато любитъ Ригу.

Онъ охотно посѣщаетъ кино, перекидывается съ друзьями въ картишки, читаетъ газету и слѣдитъ за міровыми событіями.

— Маэстро, что вы скажете про Шанхай?

Чемпіонъ кладетъ ложку въ сторону и на минуту задумывается:

— Шанхай?.. А что же вамъ хочется знать?

— Вообще... Вашъ взглядъ на событія... Китайская проблема въ общемъ аспектѣ... Она васъ интересуетъ?

— Яволь!.. Это большой вопросъ... Очень большой вопросъ... Колоссаль!

— Отразится-ли онъ на Европѣ?

Чемпіонъ приподымаетъ крышку съ горшка и вторично задумывается:

— То трудно сказать!.. Аберъ ихъ денке, для Будапешта то ганцъ эгаль.. Ганцъ эгаль!.. Треба трошки прибавить перцу!

Интервью кончено.

И спускаясь по лѣстницѣ, мы ловимъ себя на мысли, что есть чемпіоны, съ которыми можно потолковать о разнообразныхъ вещахъ, въ томъ числѣ даже и о политикѣ, и кругозоръ ихъ не ограниченъ бра-руле и краватомъ...

По законамъ хирологіи.

Кто не знакомъ съ краткой теоріей хирологіи — тотъ потерялъ много...

Хирологія или руковѣдѣніе, другими словами — чтеніе руки. Основная задача этой науки заключается въ «самопознаніи». А кромѣ того, хирологія учитъ насъ разбираться въ характерахъ другихъ людей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «познаніе людей» является краеугольнымъ камнемъ жизненнаго успѣха.

Переходъ отъ теоріи къ практикѣ долженъ быть постепеннымъ и производиться съ извѣстною осторожностью. Я произвелъ нѣсколько опытовъ, подтверждающихъ, въ полной мѣрѣ, основы ученія.

Первый опытъ имѣлъ мѣсто въ Царскомъ Саду.

Было майское утро и лучи солнца прорѣзали листву старыхъ липъ. На скамейкѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, погруженный въ глубокое размышленіе. Онъ былъ въ обыкновенномъ сѣромъ костюмѣ, сѣрыхъ полуботинкахъ и сѣрыхъ камашахъ. На немъ была сѣрая шляпа и сѣрый галстукъ повя-

зывалъ шею. Словомъ, все сѣрое, отъ головы до ногъ.

Его соціальное положеніе мнѣ неизвѣстно. Его профессія мнѣ незнакома. Но одинъ бѣглый взглядъ на его руки объясняетъ мнѣ все.

У него женская рука, съ длинными, тонкими пальцами, такъ называемая «идеальная рука» Это рука одухотворенныхъ натуръ, далекихъ низменной, практической жизни. Это — носители высшей правды. Нѣжная кожа указываетъ на воспріимчивость. Маленькій мизинецъ указываетъ на влеченіе къ поэзіи, къ высокимъ искусствамъ.

Я взглядываю на его руку и говорю:

— Вы поэтъ?

Молодой человѣкъ медленно оборачивается:

— Да, я поэтъ!.. Я — Кукушкинъ!.. Меня знаетъ Московскій форштадтъ и скоро будетъ знать вся Европа!.. «Литургія наготы», «Будемъ, какъ звѣзды» — мои послѣднія книги стиховъ!.. Вчера я закончилъ поэму «Евгеній Онѣгинъ»! .

— Позвольте! — перебиваю я встревоженнымъ тономъ. — Это же Пушкинъ?

— Совершенно вѣрно! — спокойно отвѣчаетъ молодой человѣкъ. — Но Пушкинъ написалъ только первую часть!.. Кукушкинъ — создалъ вторую!.. Я прочту вамъ отрывокъ...

Но мнѣ не нужно ни поэмы, ни даже отрывка. Я дѣлаю лишь провѣрку теоріи.

Я подымаюсь и исчезаю...

Второй опытъ произошелъ въ полдень, на Бастіонной Горкѣ.

За столикомъ сидитъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и тянетъ черезъ соломинку гренадинъ. Золотая цѣпочка на животѣ и десять каратовъ на пальцѣ указываютъ на матеріальный достатокъ. Остальное — темная ночь.

Я тотчасъ взглядываю на его руки и наблюдаю, что кромѣ солитера въ десять каратовъ, незнакомецъ обладаетъ еще такъ называемыми «матеріальными узлами» на пальцахъ. Человѣкъ съ такими узлами обладаетъ подвижнымъ умомъ, любитъ рискъ, торговыя комбинаціи, комфортъ, невинныя развлеченія.

Я читаю его характеръ, какъ въ книгѣ, и смѣло приступаю къ опыту. Два-три слова и мы знакомы...

— Кстати! — говорю я. — Акціонерное общество «Продапухъ» выпускаетъ новыя акціи!.. Могу предложить вамъ небольшой пакетъ?.. Дивидентъ обезпеченъ всѣмъ достояніемъ общества!

— Сколько стоитъ пакетъ? — спрашиваетъ весело незнакомецъ.

— Пустяки!.. Сто акцій по нарицательной цѣнѣ въ десять латовъ!.. Итого — тысячу латовъ!

Незнакомецъ вынимаетъ чековую книжку, ставитъ цыфру и подпись — Лазарь Марковичъ Подвилейскій, и продолжаетъ тянуть гренадинъ...

Третій опытъ былъ самый оригинальный опытъ.

Онъ произошелъ въ Верманскомъ паркѣ, между «Венгерскимъ чардашемъ» и сюитой Танецъ Анитры».

Падалъ вечеръ. Въ паркѣ темнѣло. На бульварѣ Свободы уже зажглась свѣтовая реклама. Мелодичные звуки симфоническаго оркестра создавали бодрое майское настроеніе.

На уединенной аллеѣ, подъ сѣнью развѣсистаго каштана, сидитъ дѣвушка. А можетъ быть, дама?.. Во всякомъ случаѣ, существо не лишенное граціи и миловидности.

Мой взоръ, по привычкѣ, переносится на ея руки:

— Боже, что я вижу!

Я вижу маленькую, такъ называемую «медіальную ручку» съ бирюзовымъ колечкомъ на безымянномъ пальчикѣ, на пальцѣ «Солнца»... «Браслетъ Венеры» состоитъ у нея изъ трехъ ярко выраженныхъ колецъ у кисти... Но, самое главное, я вижу ея большой палецъ—наше истинное «я», согласно законамъ хирологіи.

Онъ очень малъ, совершенно миніатюренъ, прямо карликъ. Это указываетъ, что любовь и романъ составляютъ основные элементы ея натуры...

Довольно!

Я склоняюсь и говорю:

— Сударыня, позвольте узнать ваше имя?

Незнакомка вспыхиваетъ и отвѣчаетъ:

— Меня зовутъ Доротея Шмандкухенъ изъ Торенсберга!.. У меня мезонинъ и два пурныхъ мѣста...

Довольно!

Я склоняюсь вторично и шепчу:

— Дороти, я люблю васъ!

И заключаю ее въ объятья...

Ночью я возвращаюсь изъ Торенсберга и мимоходомъ захожу въ садъ «Аркадія».

На скамьѣ сидитъ парень въ спортивной кепкѣ. Его короткіе лопатообразные пальцы указываютъ на склонность ко лжи, на умственную отсталость. Его блѣдные ногти указываютъ на болѣзненность, слабоволіе, трусость.

Я вынимаю руководство, свѣряю еще разъ признаки съ текстомъ и приступаю къ провѣркѣ теоріи.

Я быстро вскакиваю, щелкаю портсигаромъ и кричу глухимъ голосомъ:

— Кошелекъ или смерть!

Молніеносный нокаутъ сбиваетъ меня съ ногъ и я лежу на землѣ. Парень стоитъ надо мной съ сжатыми кулаками, готовый повергнуть меня вторично при попыткѣ подняться съ земли, и считаетъ:

— Венсъ, диви, треши, четри...

— Позвольте! — кричу я. — Здѣсь ошибка!.. Ваши руки говорятъ мнѣ совсѣмъ другое!

Но парень не понимаетъ или не хочетъ понять. Послѣ десятаго счета, онъ помогаетъ мнѣ встать и хохочетъ:

— Чемпіонъ Янъ Звирбулъ готовъ дать реваншъ!

Мой послѣдній опытъ не удался.

Но я считаю его исключеніемъ.

А исключеніе, какъ извѣстно, подтверждаетъ общее правило...

Лулу.

Лулу — тирольскій пѣвецъ, пѣвецъ милостью Божьей, несравненный мейстерзингеръ изъ Гарца, съ золотымъ брюшкомъ и коричневой спинкой. На его лѣвой ножкѣ. — кольцо и на немъ цифра «55».

— Это прима!.. Мой лучшій артистъ! — говоритъ продавецъ, почтовый чиновникъ Янъ Циритъ.

Янъ Циритъ говоритъ правду. Можно еще добавить, что Лулу состоитъ въ роли «профессора консерваторіи». Это выпадаетъ не каждому. «Профессоровъ» имѣется только четыре на весь классъ, на восемьдесятъ четыре ученика..

Въ комнатѣ стоитъ большой шкафъ. Шкафъ, точно соты, разбитъ на клѣточки. Ученики, въ различныхъ костюмахъ — желтые и золотисто-зеленые, красно-сѣрые, коричневые, аристократы съ чернымъ бархатнымъхохолкомъ, въ видѣ графской короны, и коротко хвостые, широкогрудые демократы—чинно сидятъ на жердочкахъ и ожидаютъ сигнала.

И когда зимній разсвѣтъ проползаетъ въ окно сѣраго дома на Рыцарской улицѣ, урокъ начинается.

Лулу бросаетъ, какъ камертонъ, первую ноту, высокую, длинную ноту, звенящую, какъ верхнее до на флажолетѣ, возвѣщающую наступленіе дня. Потомъ, выдержавъ короткую паузу, командуетъ:

— Пить-пить-пить-пить!..

Стройнымъ хоромъ отвѣчаютъ ученики:

— Пью пью-пью пью!

А затѣмъ, то разсыпаясь шокелемъ и серебряннымъ колокольчикомъ, то переходя на виртуозныя кнорры, швирры, вассерроле и басовые эффекты, вытанцовывая за однимъ колѣномъ другое, смѣло, увѣренно, словно испытанный концертмейстеръ, Лулу ведетъ за собой классъ.

Въ комнатѣ стоитъ стонъ отъ восьмидесяти восьми глотокъ.

Восемьдесятъ восемь пѣвцовъ, раздувъ зобикъ, полузакрывъ въ экстазѣ глаза, даютъ такой концертъ, передъ которымъ рапсодія Листа совершенно блѣднѣетъ. И первою скрипкой въ этомъ концертѣ — Лулу...

Лулу перешелъ въ мои руки и помѣстился въ большомъ домѣ на бульварѣ Аспазіи.

Лулу сталъ солистомъ и замѣняетъ собою оркестръ.

Онъ передаетъ самостоятельно романсы и сюиты, самыя фантастическія симфоніи и ораторіи. Его музыкальныя средства неис-

черпаемы. Съ каждымъ днемъ онъ вводитъ все новые и новые инструменты.

Кромѣ скрипки, въ его оркестрѣ звучитъ віолончель и кларнетъ, валторна и флейта, пиколо, гобой, саксофонъ и даже маленькій барабанъ.

Но самое замѣчательное, это — фаготъ.

И когда онъ передаетъ а-мольную фантазію Дворжака, я заставляю его бисировать:

— Ро-ро-ро-ро...

— Ри-ри-ри-ри...

— Рль-рль-рль-рль...

Отъ окна дуетъ. Несмотря на двойныя рамы, у окна холодно.

Лулу—тропическій житель.

Рано утромъ, когда я лежу въ постели, меня будитъ неясный шорохъ. Потомъ начинается чистка инструментовъ.

— Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!

Это Лулу чиститъ свой носикъ о жердочку.

Потомъ начинается настройка. И черезъ какую нибудь минуту, словно опасаясь нарушить мой сонъ, звучитъ нѣжное, какъ журчанье ручья, модерато — «Quasi una fantasia».

Это—утренняя молитва...

Потомъ, начинается туалетъ. Я слышу, какъ Лулу плещется въ ванночкѣ, трепыхается — фръ-фръ-фръ, чиститъ перышки. Потомъ, наступаетъ утренній завтракъ. Лулу аппетитно щелкаетъ сѣмячки и шелуха сыплется на полъ.

Его любимое блюдо — зерна конопли, толстыя, жирныя, вкусныя, какъ орѣшки. Но это отражается на его тенорѣ и злоупотреблять этимъ блюдомъ не слѣдуетъ. Обычное же меню — канареечное и черное горчичное сѣмя. На дессертъ бѣлый сухарикъ, кусочекъ яблока, листикъ салата...

Два раза въ день я выпускаю Лулу на прогулку.

Съ радостнымъ щебетомъ онъ выскакиваетъ изъ домика и садится на письменный столъ. Росписавшись на бюварѣ, оставивъ визитную карточку и автографъ, Лулу взмахиваетъ пестрыми крылушками и садится на шкафъ. Но вскорѣ его вниманіе привлекаетъ цвѣтокъ. И черезъ мгновеніе, онъ сидитъ уже на горшкѣ и щиплетъ зеленые листочки глоксиніи.

Я полагаю, что это отъ атавизма. Его канарскіе предки жили когда-то среди цвѣтовъ, подъ полуденнымъ солнцемъ, среди волшебной природы.

Потомъ, Лулу садится на палецъ, на голову, на плечо. Когда я работаю, онъ садится на пишущую машинку и безплатнымъ пасажиромъ катается на ней взадъ и впередъ. Стукъ машинки его не пугаетъ.

Брать Лулу въ руки не слѣдуетъ. Самое легкое прикосновеніе причиняетъ ему боль. Но иногда я трогаю его за пестренькій хвостикъ. Онъ начинаетъ сердиться, принимаетъ свирѣпый видъ, машетъ забавно крылушками и, съ крикомъ, переходитъ въ атаку:

— Цыцъ-цыцъ-цыцъ!..

Я убѣжденъ, что Лулу считаетъ меня отъявленнымъ трусомъ...

Иногда, онъ сидитъ передъ зеркаломъ, на кожаномъ несессерѣ и, словно щеголь съ бульвара Свободы, не можетъ собою налюбоваться.

А вечеромъ, когда падаетъ снѣгъ и за окномъ воетъ ноябрьская вьюга, Лулу привлекаетъ свѣтъ. Онъ садится на лампу, подъ абажуръ, и, прижавшись къ огню, размышляетъ О чемъ онъ думаетъ — неизвѣстно. Можетъ быть, о веснѣ, о любви, о своей родинѣ, въ которой солнце круглый годъ не заходитъ?

Все можетъ быть.

Потомъ, забирается въ домикъ, прыгаетъ на верхнюю жердочку и, помолившись на сонъ грядущій, начинаетъ дремать. Его черные блестящіе глазки закрываются вѣками. Черезъ минуту, крѣпко обхвативъ жердочку правою лапкой, засунувъ голову подъ крыло, образовавъ желтый мохнатый клубочекъ, спитъ крѣпкимъ сномъ, безпробуднымъ сномъ, точно младенецъ...

Когда наступила весна и повѣяло первымъ тепломъ, дворъ, напоминавшій узкій бездонный колодецъ, ожилъ.

Въ верхніе этажи забирается майское солнышко. Слышутся женскіе голоса. Днемъ, по карнизамъ щебечутъ и кружатся ласточки. Ночью, на крышахъ дерутся коты.

Лулу поетъ цѣлый день. Поетъ, какъ пѣвецъ милостью Божьей, какъ артистъ изумительнаго таланта. Увертюра «Легкая Кавалерія», попурри «Цыганскій Баронъ» и «Пробужденіе Весны» Баха — не выходятъ изъ его репертуара...

Но теперь въ его пѣснѣ томленье и грусть.

Когда же ласточки садятся на подоконникъ, Лулу совершенно преображается. Онъ скачетъ по клѣткѣ, бьетъ крылушками, свиститъ особымъ пронзительнымъ свистомъ.

Мнѣ кажется, онъ влюбленъ. Влюбленъ въ одну бѣлогрудую фею, въ темной испанской мантильѣ, съ отдѣлкой изъ синяго атласа...

И однажды, когда майскій полдень былъ такъ тепелъ и ясенъ, когда небо такъ голубѣло и манило къ себѣ, Лулу прыгнулъ изъ клѣтки и очутился на форточкѣ.

— Лулу назадъ! — приказалъ я.

Лулу усмѣхнулся и что-то прощебеталъ.

— Лулу, назадъ!.. Ты вѣдь не покинешь меня, мой несравненный Карузо?.. Тамъ — смерть!.. Черный котъ, словно пантера, въ одно мгновенье, перегрызетъ твое золотистое горлышко!.. Воробьи, эти сѣренькіе статисты, изъ зависти заклюютъ тебя!

Лулу усмѣхнулся вторично.

— Лулу, назадъ!.. Здѣсь ожидаетъ тебя моя ласка, моя любовь и конопляное сѣмя, которое ты такъ любишь... Клянусь, я насыплю его въ твою чашечку до самаго верха!

И я поманилъ его пальцемъ.

— Прощай! — чирикнулъ Лулу и взмахнулъ крыльями.

Онъ перелетѣлъ дворъ и сѣлъ напротивъ, на подоконникъ. Солнце освѣщало верхушку дома. Солнце манило его. На карнизѣ щебетали бѣлогрудыя феи въ темныхъ атласныхъ мантильяхъ. Онѣ кокетливо прихорашивались и звали его къ себѣ. Тысячи голосовъ, какъ незримыя волшебныя арфы, звенѣли въ горячемъ небѣ...

Лулу взмахнулъ крыльями и исчезъ навсегда...

Даугавгрива.

Если въ городѣ душно, если знойный день не сулитъ неожиданностей, умѣстно совершить маленькую рѣчную прогулку.

На пристани обычная суета.

Громыхая подковами по граниту, ползутъ тяжелые, добродушные ломовики. Звенитъ трамвай, проносятся автомобили. Отъ базарныхъ лотковъ тянетъ вкуснымъ ароматомъ стремиги и шпека. Пароходы и лайбы распахнули темные зѣвы. Въ раскаленномъ воздухѣ гулъ, визгъ, лязгъ, вой буксирныхъ сиренъ.

«Митава» принимаетъ послѣднюю партію.

Размѣстившись въ лонгшезахъ и на скамейкахъ, пассажиры слѣдятъ за нагрузкой. Мѣшки съ мукой, цинковые бидоны, различная утварь наполняютъ нижнюю палубу. Протяжно гудитъ труба. Донъ-донъ-донъ! звенитъ въ третій разъ пароходный звонокъ. Убирается трапъ и, давъ задній ходъ, пароходъ отдѣляется отъ гранитнаго мола...

«Митава» скользитъ посерединѣ рѣки разсѣкая ея могучую грудь. Дыханіе вѣтерка обвѣ-

ваетъ борты парохода, треплетъ прически, играетъ складками платья.

Вонзаясь остріемъ въ небо, проплываютъ рижскія кирки. Потомъ — старый Замокъ, съ круглою башней и развѣвающимся президентскимъ штандартомъ, таможня, доки и краны, наконецъ, сѣрый квадратъ Фобурга, съ темной зеленью Царскаго Сада.

Одна за другой слѣдуютъ нѣсколько кратковременныхъ остановокъ—Цементный Заводъ—Мюльграбенъ—Кранъ. Яркая зелень луговъ подходитъ къ самой водѣ. Въ устьѣ Старой Двины, съ звонкимъ смѣхомъ, плещутся золотокудрыя нимфы. На шестахъ сушатся сѣти. Сверкаютъ аметисты озеръ. Густой шапкой хвойнаго лѣса закутался Магнусгольмъ.

А на другой сторонѣ рѣки бѣлѣютъ крутыя больдерааскія дюны и высится куполъ крѣпостного собора.

«Митава» пересѣкаетъ Двину, безшумно поворачиваетъ въ Аа и останавливается у крѣпостной пристани...

Динамюндъ... Усть-Двинскъ... Даугавгрива..,

Крѣпость-курортъ!

Крѣпость-игрушка!

Вотъ она, старая, милая «Бѣлогорская» крѣпость!..

Сколько незабвенныхъ воспоминій таятъ ея изумрудныя верки!,,

Три вѣка промчалось со дня основанія. Старые бастіоны хранятъ пролетѣвшую

быль. Шведы и русскіе, великая міровая война—всѣ картины минувшаго помнятъ вѣковые тополя и каштаны.

Пятнадцать лѣтъ протекло съ того часа, когда раздались первые громы.

Многое измѣнилось.

У пристани уже не стоитъ крѣпостная эскадра, въ составѣ «Бомбардира Никитина» и десятка минныхъ судовъ. Взорваны погреба и грозныя пушки. Крѣпостной мостъ разобранъ и широкій водяной ровъ преграждаетъ входъ въ цитадель.

Но какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, несокрушимо стоятъ зеленые бастіоны, съ амбразурами, съ вѣковыми деревьями и куполомъ крѣпостного собора. Пышно разрослись сирени офицерскаго садика. Густою травой заросла дорожка къ «Рижскимъ воротамъ».

И по прежнему виднѣется крыша старинпаго арсенала, въ которомъ томился когда-то несчастный «императоръ россійскій» — Иванъ VI...

Дамба ведетъ къ старому прибрежному укрѣпленію—форту Камецкому.

Конечной желѣзнодорожной станціи — «Дамба Гавани» — больше не существуетъ, и на ея мѣстѣ остались только слѣды каменной кладки. Съ одной стороны—зеркальное полотно могучей Двины, съ другой — водяной ковшъ, съ караваномъ землечерпалокъ, съ гнилыми сваями, съ остатками старыхъ судовъ.

А впереди — зеленые бастіоны форта, механическій заводъ Макинтоша, бѣлый маякъ и лоцманскій домикъ съ знакомою женской фигурой — носовымъ украшеніемъ выкинутаго когда-то на берегъ норвежскаго брига.

Двѣ выводныя стрѣлки выбѣгаютъ далеко въ море. На горизонтѣ тянутся пароходные дымы. Въ небѣ скользятъ облака.

Они напоминаютъ эскадру.

Впереди, кильватерною колонной, идутъ крейсера. По бокамъ—миноносцы и тралеры. Въ центрѣ—тяжелые линейные корабли.

Тишина...

Вѣтерокъ разноситъ запахъ водорослей и соли...

Усть-Двинскъ, старый рыбачій поселокъ, сохранился, какъ раньше. Но офицерскіе флигеля и казармы представляютъ груду развалинъ. Грустно глядятъ безглазыми окнами взорванныя руины. Кучи бетона бѣлѣютъ въ травѣ. Отъ прежняго клуба и ротонды для музыкантовъ—никакого воспоминанія. Уничтоженъ и памятникъ основателю крѣпости—Петру Великому...

Въ низкихъ луговыхъ берегахъ плыветъ тихая Аа.

Надъ камышомъ, съ протяжными криками, вьются бѣлогрудыя чайки. И словно чайка, скользитъ парусъ маленькой яхты.

Въ ней только двое—онъ и она.

Они сидятъ, нѣжно прильнувъ другъ къ другу, молодые, счастливые.

Завтра онъ, маленькій клеркъ изъ пароходной конторы, будетъ снова сидѣть надъ

фактурой и накладными, она—щелкать на «Ремингтонѣ», въ копировальномъ бюро. Но сегодня они, точно боги, живутъ настоящимъ, и нѣтъ имъ дѣла до прошлаго и до будущаго.

И тихая лента рѣки, камыщъ, чайки, солнце, словомъ, весь міръ — кажется имъ выкованнымъ изъ червоннаго золота.

Ибо велика радость любви и велики люди, познавшіе ея дурманящую сладкую тайну...

Б у л ь.

— Антръ ну суа ди, мы дѣлимъ нашихъ кліентовъ на три разряда! — говоритъ молодой джентльменъ въ смокингѣ, съ слегка помятымъ лицомъ и проборомъ до пятокъ.

— Вы ловили когда нибудь рыбу?

Вопросъ меня удивляетъ.

— Ловили?.. Прекрасно!.. Тогда вы сразу поймете!

— Итакъ, три разряда! — продолжаетъ молодой человѣкъ.—Плотва, уклейка, пескарь, какъ вамъ извѣстно, берутся на муху и шитика.

— Это—третій сортъ... Онъ клюетъ тамъ!

Молодой человѣкъ небрежно указываетъ на павильонъ, гдѣ играютъ въ лото.

— Для окуня и ерша необходима другая наживка... Лучше всего хорошій дождевой червячокъ... Это у насъ!

Кивокъ головой въ направленіи противоположномъ.

— Что же касается леща, судака или красной рыбы, скажемъ, лососки — здѣсь крючокъ не годится, а нужна хорошая сѣть

или бредень... Судаки ловятся тамъ... Это первый сортъ—экстра!

И молодой человѣкъ киваетъ въ сторону рулетки.

— Однако, пойдемте!.. Сейчасъ начинается!

Буль—игра для окуней и ершей.

Это не красная рыба, но среди игроковъ не мало вполнѣ приличной бонтонности. Клевъ идетъ тихо, спокойно. Наживка глотается сразу.

Посреди залы стоитъ столъ съ кругомъ, раздѣленнымъ на девять частей, съ размалеванными лошадками, съ маленькими ямками, по которымъ прыгаетъ мячикъ. Къ этому кругу примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ два небольшихъ столика, въ свою очередь раздѣленные на квадраты.

Мэтръ, съ наружностью профессора орнитологіи, въ темныхъ очкахъ, съ короткою удочкою въ рукѣ, произноситъ скороговоркой какую-то фразу. Въ вольномъ переводѣ это примѣрно обозначаетъ:

— Господа, пожалуйте стричься!

И послѣ этого приглашенія, игроки забрасываютъ квадратики костяными кругляшками.

Буль напоминаетъ рулетку.

Здѣсь также существуетъ множество различныхъ системъ по опорожненію кошельковъ и карманов.

Мэтръ кидаетъ резиновый мячикъ и кричитъ:

— Дѣзгавъ!

— Рьенъ не ва плю! — одновременно восклицаетъ крупье.

Мячъ падаетъ въ ямку и мэтръ торжественно произноситъ:

— Четри—нюмеро катръ!

Это «нюмеро катръ», произнесенное на чистѣйшемъ «прованскомъ» нарѣчіи, выходитъ у него великолѣпно.

Главная работа выпадаетъ все же на долю крупье.

Вооруженный длиннымъ удилищемъ, съ лопаточкой на концѣ, онъ быстрымъ движеніемъ сгребаетъ къ себѣ всѣ кругляшки. Правой рукой, съ тою же эквилибристической ловкостью, кидаетъ двумъ-тремъ счастливчикамъ выигрышъ:

— Цванцигъ!.. Битте шенъ!

Снова кричитъ скороговоркою мэтръ.

Публика дѣлаетъ новыя ставки.

Снова кидается резиновый мячикъ.

Французскія слова чередуются съ латышскими фразами. Слышна нѣмецкая, русская рѣчь. Но все покрываетъ рѣзкій голосъ крупье:

— Цванцигъ!.. Битте шенъ!.. Рьенъ не ва плю!

Игра продолжается.

Все чаще и чаще мѣняетъ публика у кассира сторублевыя билеты и латы...

— Поставимъ на «нефъ»?—говоритъ молоденькая сосѣдка.

Но я не ершъ и не окунь, а старая хитрая щука.

Я подплываю къ наживкѣ, обнюхиваю ее со всѣхъ сторонъ и, почуявъ подозрительный запахъ, вильнувъ хвостомъ, уплываю.

А то нырнешь сюда и не выплывешь.

И только пойдутъ пузыри:

— Буль-буль-буль!..

Островъ Даленъ.

Это не Ява и не Борнео и даже не миніатюрный Цейлонъ.

Это совсѣмъ крошечный островокъ, немногимъ превосходящій хорошую площадку для футбола, едва-ли извѣстный шкиперамъ дальняго плаванія.

И лежитъ онъ не подъ тропическими широтами, въ таинственномъ океанѣ, а значительно ближе. Короче, только часъ разстоянія отдѣляетъ его отъ Риги...

Пароходъ съ прозаическимъ именемъ «Аннушка», совершаетъ рейсъ туда и обратно.

Пассажиры — два праздношатающихся туриста, яункундзе въ бѣломъ беретѣ и молодой человѣкъ безъ головного убора, каковой замѣняетъ ему лохматая грива — уже въ сборѣ. Четыре человѣка считаются вполнѣ солидной нагрузкой.

Тѣмъ не менѣе, слѣдуя хорошему тону, «Аннушка» выжидаетъ еще нѣсколько сверхурочныхъ минутъ, потомъ трижды свиститъ и отходитъ.

Проскочивъ подъ желѣзнодорожный мостъ, пароходъ выплываетъ на двинскій

просторъ и медленно скользитъ вверхъ по рѣкѣ.

Рѣка точно зеркало.

Солнце стоитъ высоко надъ головой.

Въ синемъ небѣ, широко разойдясь по необъятному пастбищу, застыли барашки.

И колятъ, жгутъ, пропекаютъ насквозь золотые лучи...'

Передъ глазами мелькаетъ рядъ свай, съ приткнувшимися плотами.

Сзади — Московскій форштадтъ съ маковками церквей, съ каменными амбарами, съ дымомъ и копотью трубъ.

Низкій берегъ стелется до самаго Катлакална, расположеннаго на кручѣ, со всѣми признаками старинныхъ фортификацій. Когда-то, въ шведскія времена, здѣсь былъ, вѣроятно, редутъ или предмостное укрѣпленіе. Высокій берегъ покрытъ соснякомъ, въ которомъ сверкаетъ маленькій куполъ.

Оригинальное зданіе напоминаетъ «Храмъ Любви» или «Павильонъ Купидона» — одно изъ тѣхъ милыхъ сооруженій, которыя воздвигались въ старинныхъ усадьбахъ капризомъ романтическаго помѣщика.

Кто-то на берегу взмахиваетъ рукой. Тогда «Аннушка» пристаетъ къ утлымъ мосткамъ, принимаетъ новаго пассажира и слѣдуетъ дальше...

Ширь и просторъ!

Посерединѣ рѣки, напоминая кораловый рифъ, торчитъ одинокій утесъ. На кам-

нѣ сидитъ огромная бѣлая чайка. Она подпускаетъ «Аннушку» совсѣмъ вплотную, съ скрипучимъ стономъ — «крріу» — низко летитъ надъ водой и снова садится на камень.

А направо-налѣво раскинулись зеленые берега, съ рѣдкими сосенками на горизонтѣ, съ хуторами и мызами, съ каймой далекаго лѣса.

Низкій песчаный островъ необитаемъ, точно острова Соломонова архипелага. Лишь кое-гдѣ бѣлѣютъ скромныя хижинки — жилища даленскихъ рыбаковъ:

Здѣсь лучшее мѣсто ловли миноги.

Уже издали можно видѣть оригинальное сооруженіе, перегораживающее фарватеръ, оставляющее посерединѣ узенькій проходъ для судовъ. Это — мостки съ опущенными въ воду ивовыми корзинами, въ которыя забивается рыба. Въ одну ночь вылавливается, иной разъ, до тысячи калъ.

А еще выше происходитъ ловъ лососины.

Но кромѣ миноги и лососины, островъ Даленъ обладаетъ еще однимъ крупнымъ богатствомъ. На островѣ имѣются копи. Въ нихъ добывается драгоцѣнный даленскій «мраморъ», въ видѣ великолѣпнаго щебня, идущаго на утрамбовку дорогъ...

Вотъ рыбачья усадьба, съ картофельными грядками, съ кругами подсолнуха, съ пятнами колосящейся ржи, съ цѣпною шавкой,

заливающейся неистовымъ лаемъ. Неподалеку расположена чья-то могила, по всей вѣроятности, «могила неизвѣстнаго солдата», павшаго при переправѣ нѣмцевъ черезъ Двину.

Островъ покрытъ рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Подъ ногами мохъ и сосновыя шишки. На голыхъ вершинахъ сидитъ и каркаетъ воронье:

— Крррaa!.. Крррaa!..

Если обернуться назадъ и посмотрѣть въ сторону Риги — городъ, какъ на ладони.

Онъ словно стоитъ на водѣ и маячитъ острыми кирками. Зеркальная скатерть не шелохнетъ ни единымъ движеніемъ. Тихо сквозитъ дымное марево и страннымъ видѣніемъ, причудливою фатаморганой, кажется этотъ, выростающій изъ воды, городъ...

Звенитъ дѣвичій смѣхъ.

Двѣ ундины полощатся на волнѣ.

Сверкаетъ гибкое тѣло, съ нѣжными покатыми плечами, съ упругими полушаріями маленькихъ грудей, съ крутыми женскими бедрами, на которыхъ солнечный бликъ застылъ дерзкимъ лобзаніемъ...

Колятъ, жгутъ, пропекаютъ золотые лучи.

И вспоминаются благоуханныя строфы изъ «Книги Пѣсней» мудраго царя Соломона:

— Освѣжите меня яблоками, подкрѣпите меня лимонадомъ-газесъ, ибо я изнемогаю... отъ зноя!

Майскій конкуръ.

Знаете ли вы Артиллерійскій плацъ?

Нѣтъ, вы не знаете Артиллерійскаго плаца, если не были на майскомъ конкурѣ.

Между тѣмъ, зрѣлище конныхъ ристалищъ весьма интересно... Какъ извѣстно, передъ выходомъ въ лагерь, по заведенной уже въ теченіе ряда лѣтъ достойной традиціи, кадеты Военной Школы устраиваютъ небольшой конный праздникъ.

Спортивное зрѣлище происходитъ въ присутствіи высшихъ начальниковъ, военнаго министра, командующаго арміей и его начальника штаба, значительнаго числа приглашенныхъ гостей и публики, явившейся вовсе безъ приглашенія, безплатно усѣявшей балконы и окна прилежащихъ строеній.

Много представительницъ прекраснаго пола, рижскихъ спортсменовъ спортсменокъ, офицеровъ различныхъ частей, въ своихъ новыхъ головныхъ уборахъ, эффектно сверкающихъ золоченою оторочкою козырька.

Просторный плацъ, окаймленный канатомъ, заполненъ препятствіями различныхъ сортовъ—живыми изгородями и херделями,

каменной стѣнкой, коробкой, корзинкой и даже нѣкоторымъ подобіемъ ирландскаго банкета, приводящимъ въ умиленіе сердце истиннаго спорстмена.

Съ двухъ сторонъ, къ спортивному полю примыкаютъ трибуны для зрителей—стулья и скамьи, обтянутыя сукномъ для особо почетныхъ гостей. Военный оркестръ заливается мелодичною трелью. Разносится ржаніе лошадей. Особый трубачъ подаетъ сигналы для исполненія:

— Самъ, самъ капитанъ!

Это, несомнѣнно, самъ капитанъ Марницъ, даровитый инструкторъ, душа каждаго коннаго состязанія, зажигающій огнемъ спортивнаго энтузіазма молодыя сердца участниковъ.

Подъ его руководствомъ, конная группа кадетъ, во главѣ съ офицерами, выѣзжаетъ на плацъ. Всадники щеголяютъ посадкой, кони пофыркиваютъ и слегка горячатся, публика созерцаетъ нарядную кавалькаду.

Новый сигналъ — и шестерка артиллерійскихъ мустанговъ, крупныхъ, тяжелыхъ, тѣхъ самыхъ драбантовъ, что съ одинаково добросовѣстнымъ рвеніемъ таскаютъ «и воду и воеводу», вылетаетъ на плацъ, описывая «восьмерку».

По узкой дорожкѣ, обозначенной кольями, запряжка несется широкимъ галопомъ. Ни одинъ колъ не сбитъ, ни колесами пушечнаго лафета, ни копытами рѣзвыхъ коней.

Новый сигналъ — и на смѣну новое зрѣлище.

На этотъ разъ, группа артиллерійскихъ кадетъ по командѣ руководителя, продѣлываетъ манежную ѣзду. Обращаетъ вниманіе однообразіе и крѣпость посадки, мягкое управленіе, строгая дисциплина ѣзды. Прекрасно подобранъ конскій составъ.

А вотъ и «лисичка», безъ которой, конечно, не обходится конный праздникъ, веселый, подымающій настроеніе номеръ, въ которомъ удаль и ловкость играютъ первѣйшую роль. Тѣмъ болѣе, что происходитъ онъ не въ душномъ манежѣ, среди четырехъ стѣнокъ, стѣсняющихъ рѣзвый бросокъ, а на просторѣ широкаго плаца, въ лабиринтѣ барьеровъ и спасительныхъ херделей, подъ лучами бодраго майскаго солнца.

— Тра-та-та-та!.. выводитъ трубачъ мелодичную фразу и, по сигналу, начинается новое зрѣлище, кадетскій «конкуръ-иппикъ».

Одинъ за другимъ, въ порядкѣ вынутыхъ номеровъ, участники мчатся на стоящія передъ ними препятствія.

Одни берутъ его съ маху, ведя лошадей въ шенкеляхъ, отдавъ своевременно поводъ, облегчая прыжокъ.

Другіе берутъ на нѣсколько замедленномъ темпѣ, какъ бы разсчитывая инерцію, кривую полета и перпендикулярную поверхности линію, при неудачномъ прыжкѣ.

Третьи знакомятся сначала лишь начерно, послѣ чего, вонзивъ шпоры въ бока

и нахлеставъ плетью, сдѣлавъ дополнительный полукругъ, посылаютъ коня въ указанномъ направленіи и, какъ птицы, перелетаютъ барьеръ.

Но бываетъ, что коварный драбантъ, давъ три-четыре козла, спускаетъ всадника наземь и, высоко задравъ хвостъ, съ торжественнымъ ржаніемъ, скачетъ самостоятельно по Артиллерійскому плацу.

Въ этихъ случаяхъ, еще дружнѣй звучитъ смѣхъ и грохотъ рукоплесканій...

Майскій вечеръ медленно наплываетъ.

Заходящее солнце золотитъ догорающими лучами песокъ кадетскаго плаца, крыши конюшенъ, балконы и окна строеній, играетъ шаловливыми зайчиками на дѣвичьихъ щечкахъ, разливается полутонами на мундирахъ военныхъ, на статскихъ костюмахъ, на весеннихъ туалетахъ прекраснаго пола.

Звенитъ прощальный маршъ.

Вспыхнули свѣтовыя рекламы.

И, какъ послѣдній привѣтъ, несется веселое ржаніе лошадей:

— Іо-го-го-го-го!..

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Записки недорѣзаннаго буржуя.

Отъ Булдури до Маіори всего три версты разстоянія...

Пусть дачный сезонъ еще не въ разгарѣ, пусть осторожные горожане еще сидятъ въ своихъ каменныхъ ящикахъ, но пляжъ и безъ нихъ достаточно оживленъ.

Когда солнце опускается за море, есть особое наслажденіе въ томъ, чтобы бродить по роскошному штранду, мимо кіосковъ съ мороженнымъ и фруктовой водой, каруселей, скетингъ-ринга, американскихъ горъ, мимо нарядныхъ кабинокъ съ юными парочками, мимо лонгшезовъ, въ которыхъ лежатъ человѣческія фигуры, жадно глотающія усталыми легкими цѣлебный озонъ, любующіяся моремъ и тихимъ лиловымъ закатомъ.

Для возбужденія аппетита, въ ожиданіи телячьяго карбонада, въ «Морскомъ Павильонѣ», болѣе чѣмъ умѣстно совершить маленькую прогулку по берегу моря, безъ торопливости, съ остановками въ людныхъ мѣстахъ, съ кратковременнымъ отдыхомъ въ удобномъ лонгшезѣ.

Въ этихъ случаяхъ, можно вынуть, изъ висящаго на плечевомъ ремешкѣ футляра, призматическій цейссъ и направить окуляръ въ сторону горизонта.

На гладкой поверхности виднѣется парусъ. Не тотъ-ли парусъ, о которомъ поется въ извѣстномъ романсѣ:

„Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ просторѣ моря голубомъ...

Ближе къ берегу, сверкаетъ драгоцѣнная рябь, точно червонцы изъ стараго царскаго золота вперемежку съ латовыми монетами.

И наконецъ, еще ближе, объективъ упирается въ прекрасныя женскія формы, столь плотно обтянутыя купальнымъ костюмомъ, что весь рельефъ, какъ общія очертанія, такъ и отдѣльныя пикантныя закругленности, не ускользаютъ отъ восхищеннаго взора...

Между тѣмъ, солнце склоняется ниже и ниже.

Еще мгновенье — и, точно сознательный самоубійца, тонетъ въ водѣ. Охваченный вечерней истомой, я продолжаю лежать въ лонгшезѣ.

На минуту закрываю глаза.

И снится мнѣ сонъ, странный, удивительный сонъ...

Послѣ субботника, насъ погнали въ тотъ же день, на воскресникъ.

Одна партія разбирала на дрова торцовую мостовую Октябрьскаго проспекта. Другая дорубала липы Лѣтняго сада. А насъ, квалифицированныхъ рабочихъ, поэта Сашу Бѣлаго, ординарнаго профессора Спирохетова и меня, направили въ Урицкій дворецъ.

Предстояла тонкая, деликатная работа, требовавшая спеціальныхъ познаній.

Мы работали въ Малахитовомъ Залѣ...

Обои шли въ отдѣлъ Комхоза, какъ дополнительный суррогатъ въ пайковомъ распредѣленіи бумажной ткани. А клейстеръ, коимъ была обильно смазана внутренняя поверхность, примыкавшая къ стѣнѣ, поступалъ на учетъ въ Продмукъ, для изготовленія войсковыхъ галетъ.

Полторы квадратныхъ сажени достаточно плотной бумаги №3 Б сначала тщательно смачивались при помощи языка. Затѣмъ при помощи пальцевъ, отдѣлялись отъ стѣны, послѣ чего извлекался крахмалъ.

Послѣдняя работа требовала особаго искусства. Но клянусь Марксомъ, это было благородное занятіе, наполнявшее мое существо неизъяснимымъ восторгомъ!

Дѣло въ томъ, что помимо компетентныхъ разъясненій профессора Спирохетова, я пришелъ къ выводу, что крахмалъ есть вещество весьма питательнаго свойства, даже безъ обработки его въ Продмукѣ. По моему мнѣнію, это конечно, не карбонадъ, но и не суррогатъ, а пищевой продуктъ перваго сорта.

И я погрузился въ работу въ сверх-ударномъ порядкѣ...

Между тѣмъ, наступилъ вечеръ.

Наша стража, снявъ со стѣны «Защиту Малахова Кургана» и соорудивъ изъ нее импровизированный столъ, рѣзалась въ «же-лѣзку». Догорающіе лучи золотили залу яркимъ коммунистическимъ свѣтомъ. 'оэтъ Саша Бѣлый меланхолически глядѣлъ на шпицъ Петропавловской крѣпости и вполголоса декламировалъ изъ «Мѣднаго Всадника»:

„На берегу холодныхъ волнъ,
Стоялъ онъ, думъ голодныхъ полнъ,
И въ гробъ глядѣлъ..."

Я чувствовалъ нѣкоторую усталость.

Полтора фунта извлеченнаго крахмала даютъ, въ общей сложности, болѣе нежели достаточное количество калорій...

Но въ этотъ день, Провидѣнію было угодно излить на меня свои ласкающіе лучи и, кромѣ матеріальной, доставить и другую пищу.

Я отдѣлилъ полотнище и приготовился вторично извлекать крахмалъ, какъ въ это время мой взглядъ скользнулъ по оголенной стѣнѣ, на которой, съ необыкновенною четкостью, бѣлѣлъ листъ газетной бумаги.

Да, листъ газетной бумаги!

Это была «Петербургская Газета», отъ 24 декабря 1916 года...

. Я впился жадными глазами въ пылающія строки.

Я прочелъ цѣлый рядъ объявленій.

Здѣсь было все!

Рождественская елка въ Благородномъ Собраніи и выставка въ Пассажѣ...

Балъ-маскарадъ въ Прикащичьемъ Клубѣ и Базаръ въ Гостинномъ Дворѣ...

Распродажа и лотерея-аллегри, цыганскій хоръ, меню ресторановъ, программы театровъ и варьетэ, словомъ все, чѣмъ наполнялось столичная жизнь, кипучая и нарядная, сверкающая рождественскими огнями...

Слезы навернулись на мои глаза.

Рыданія подступили къ горлу.

Охваченный воспоминаніями, я потерялъ равновѣсіе и свалился съ лѣстницы..

Передо мною стоялъ солдатъ и, злобно сжавъ прикладъ винтовки, ткнулъ меня въ бокъ подкованнымъ каблукомъ:

— Чего разлегся, дьяволъ?.. У, язва!.. Я-те покажу, буржуй проклятый!

На другой день я чистилъ казарму имени товарища Клары Цеткиной, и крахмалу здѣсь было мало...

Митавская панорама.

Кто, въ прошломъ, не помнитъ этотъ маленькій городокъ, такъ уютно примостившійся на берегу Аа, посреди зеленыхъ курляндскихъ луговъ?

Городокъ былъ не то, чтобы столичный, но въ полномъ смыслѣ слова губернскій.

Ибо проживалъ тамъ его превосходительство господинъ губернаторъ, въ мундирѣ гофмейстера, съ золотою звѣздой на груди, была канцелярія губернатора, четыре квартальныхъ и молодой чиновникъ для порученій при губернаторшѣ.

Городокъ былъ въ полномъ смыслѣ губернскій, но жилъ тихою провинціальною жизнью.

И напоминалъ почему-то старенькаго чиновника, доживавшаго вѣкъ на пенсію, въ маленькомъ домикѣ съ палисадникомъ, между трубкой, газетой и партіей въ преферансъ, по полъ копѣйки за фишку.

Теперь многое измѣнилось.

Безпокойные годы наложили свой отпечатокъ.

Но та же Замковая улица ведетъ къ знаменитому мосту черезъ Аа.

Вотъ только что оборвалась улица, съ булочными и старой гостиницей Линде. И передъ глазами не обычный пустырь, не грязь городского предмѣстья, а тихая лента рѣки, съ широкими заводями, съ лугами, съ зелеными рощами, съ дорожками для уединенныхъ прогулокъ.

Крошечные пароходики стоятъ на рѣкѣ у причала.

Рыболовы склонились съ удочками надъ самой водой.

За мостомъ высится зданіе городского театра. А визави — окруженный тѣнистымъ паркомъ, роскошное твореніе Гваренги — историческій бироновскій замокъ.

Массивныя ворота, съ ажурной рѣшоткой, открываются безъ особыхъ усилій. У воротъ врыты двѣ чугунныя пушки. Обширный четыреугольникъ двора напоминаетъ отчасти плацъ Конной Гвардіи въ Петербургѣ. Набальзамированное тѣло знаменитаго временщика покоится, какъ утверждаютъ, въ одномъ изъ подваловъ.

На всемъ слѣды разрушенія.

Большевики и бермонтовскіе войска похозяйничали здѣсь на славу.

Руины ремонтируются. Идетъ кое-какая работа. Но чтобы возстановить замокъ и привести его въ полный порядокъ требуются огромныя средства.

Многое измѣнилось.

Не узнать старой гостиницы Линде, съ маленькимъ садомъ внутри, съ историческимъ

«дубомъ». Казармы драгунскаго полка сожжены. Теперь здѣсь пустырь, поросшій сорной травой и бурьяномъ...

Вся митавская окраина въ зелени.

Привѣтливо улыбаются деревянные домики, въ рамкѣ цвѣтовъ, огородовъ, каштановъ и липъ. Только въ центрѣ высятся остроконечныя кирки, каменные массивы банковъ, кооперативовъ и магазиновъ.

Послѣдніе растутъ, какъ грибы.

— У насъ, баринъ, кажный жихарь торговлею занимается!—произноситъ, съ улыбкой, бородатый старообрядецъ-извозчикъ. — Да вотъ только торговлишка энта—что медъ съ бритвы лизать!—добавляетъ онъ другимъ тономъ.

Въ городѣ оживленіе.

Этому несомнѣнно способствуетъ открытіе сельско-хозяйственной выставки. Митава пробудилась отъ своего вѣчнаго сна. Митава, какъ муравейникъ, кипитъ давно невиданнымъ, безпокойнымъ движеніемъ. Густымъ потокомъ толпа струится по улицамъ, заполняетъ огороженные участки и стэнды.

Разносятся звуки оркестра. Латышская рѣчь мѣшается съ русской, съ нѣмецкой, подъ аккомпаниментъ чернопѣгихъ «голландокъ», англійскихъ «окхорстовъ», рыжихъ «ангельмцевъ» и сѣренькой мѣстной породы.

А дальше — пернатое царство, гуси и хохлатыя утки, куры и пѣтухи, самаго раз-

нообразнаго оперенія. Черненькія минорки, серебристыя віандотты, французскіе фавероли и американскіе родъ-эйланды, лонгшаны, орпингтоны, эспаньолы и кохинхинки, наконецъ, эффектные итальянцы, въ черной фашистской рубахѣ, съ золоченымъ хвостомъ.

Тутъ же конскій отдѣлъ, бараны, овцы и козы. Умилительную картину представляетъ поросячье царство, съ десяткомъ подсвинковъ, сладко похрапывающихъ подъ хохотъ толпы.

Бойко торгуетъ лотерея-аллегри.

Гремитъ оркестръ.

Публика прибываетъ и прибываетъ..

Рижскій поѣздъ набитъ до отказа.

Митавская выставка уже позади. Въ окнахъ мелькаетъ луговой, вечерній пейзажъ, съ знакомыми перелѣсками, рощами, хуторами, съ тетеревинымъ кустарникомъ, съ обширнымъ болотомъ Цируль.

На Олайской станціи влѣзаетъ молодой человѣкъ, въ охотничьихъ доспѣхахъ, съ англійскимъ сеттеромъ.

Молодой человѣкъ разговорчивъ и любезно дѣлится охотничьими разсказами. Сеттеръ свернулся клубкомъ. Разсказы его не занимаютъ. Но время отъ времени, подымаетъ тяжелую морду, смотритъ пренебрежительно на хозяина и будто хочетъ сказать:

— Ну и брешешь ты, братецъ, какъ сивый меринъ!

Крейсера на Двинѣ.

Уже такъ повелось, что къ Иванову дню посѣщаютъ насъ заморскіе гости — то голландцы, то итальянцы, иногда французскіе, датскіе, шведскіе корабли.

Но англичане больше другихъ полюбили нашу столицу и неизмѣнно, каждый годъ, приходятъ съ визитомъ...

Въ дымкѣ іюньскаго марева, длинной кильваторною колонной, они ползутъ по рѣкѣ. Треплются синіе флаги съ бѣло-краснымъ британскимъ крестомъ. Густой дымъ валитъ изъ трубнаго зѣва. У стараго Замка эскадра замедляетъ ходъ до предѣла, разворачивается и бросаетъ тяжелые якоря.

Въ этотъ часъ, весь городъ высыпаетъ на пристань.

Тщетно, охрипшими голосами, кричатъ суровые картибнѣки.

Толпа напираетъ къ самой водѣ.

Стальные гиганты высятся передъ глазами, съ мачтами, съ трубами, съ паутиной оснастки и антенами радіо-телеграфа. Грозно смотрятъ крупныя башенныя орудія.

Кокетливо улыбаются граціозныя легкія пушки. На металлическихъ кранахъ подвѣшены весельные боты и минные катера. На тросахъ висятъ спасательные круги съ названіемъ крейсера. Вдоль длиннаго борта глазѣютъ два ряда иллюминаторовъ.

На палубѣ толпится команда.

Перегнувшись черезъ бортовую рѣшетку, смѣются и зубоскалятъ бритые парни—сухіе поджарые англичане, черноволосые темпераментные валлійцы съ татуированными руками, румяные шотландцы съ широкой грудью и копной рыжихъ волосъ, въ коротенькихъ темносинихъ галанкахъ, въ обтяжку, въ просторныхъ панталонахъ, расширяющихся книзу на подобіе настоящаго колокола, въ морскихъ шапочкахъ съ куцыми ленточками.

Морская пѣхота одѣта въ черные щеголеватые мундиры съ бѣлой поясной портупеей, въ новенькія фуражки съ королевской эмблемой, а въ рукахъ у нихъ неизмѣнная тросточка. Степенно стоятъ старые боцмана, съ шевронами, съ медалями на груди. Поодаль, отдѣльными группами, бесѣдуютъ между собой кондуктора, механики, лейтенанты...

Внезапно раздается рожокъ.

— Ти-ти-ти!..

Всѣ бросаются по мѣстамъ и начинается—«авралъ», иначе—уборка.

Изъ брандспойтовъ хлещетъ вода. Десятки матросовъ, съ швабрами въ рукахъ,

моютъ, скребутъ, приводятъ въ порядокъ верхнюю палубу. Другіе чистятъ орудія и минные аппараты. Третьи копаются въ шлюпкахъ и вельботахъ.

Наконецъ, команда прекращаетъ работу Люди снова высыпаютъ къ бортамъ, закуриваютъ трубки, обмѣниваются привѣтствіями съ публикой, съ любопытствомъ смотрятъ на берегъ, на базарныя лавки, на высокія рижскія кирки. Изъ люковъ выглядываютъ судовые «коки», въ бѣлыхъ поварскихъ колпакахъ, кочегары въ синихъ холщевыхъ курткахъ.

Потомъ, звенитъ «склянка» и свистятъ боцмана. Съ флагманскаго судна, по трапу, спускаются офицеры, въ сюртукахъ, въ золотыхъ эполетахъ, въ треуголкахъ на головѣ.

Одна за другой спускаются на берегъ команды.

Матросы, то парочками, то цѣлыми группами, несуразно разставивъ руки, путаясь въ своихъ необозримыхъ морскихъ панталонахъ, особою морскою походкою — перевальцемъ, бродятъ по улицамъ и бульварамъ. Одни забираются въ уютные портовые кабачки, другіе направляются на спортивное поле, чтобы принять участіе въ футбольномъ мачтѣ или обмѣняться, на рингѣ, парой «нокаутовъ» съ мѣстными аматерами...

По мнѣнію англійскихъ моряковъ, въ Ригѣ лучше нежели въ Ревелѣ и даже лучше чѣмъ въ Гельсингфорсѣ.

Въ Ригѣ не всѣ говорятъ по англійски.

Но за то очень ужъ хороши рижскія шпроты, рижское пиво, рижская померанцовка и бальзамъ.

А въ особенности хороши — рижскія «герлсъ».

Многія изъ нихъ понимаютъ моряка съ перваго слова и отвѣчаютъ самой симпатичной улыбкой:

— Оллъ райтъ!

— Добро пожаловать, милые гости!

Хой и Хао.

Въ теплые лѣтніе дни, они бродятъ по всему городу, эти маленькіе забавные китайчата, въ полосатой кепкѣ на головѣ, въ рваныхъ штанишкахъ, съ корзинкой, въ которой лежатъ нехитрыя издѣлія изъ папиросной бумаги — разноцвѣтные шарики на резинкѣ, желтые, красные, синіе искусственные цвѣты, издающіе хрюканье:

— Ррръ-ррръ!

Собирая за собой толпу любопытныхъ, они шатаются изъ угла въ уголъ, облюбовавъ, по преимуществу, три пункта: Грѣшную, Известковую и мостъ на бульварѣ Свободы.

Какимъ тайфуномъ ихъ занесло въ Ригу, на этотъ вопросъ трудно отвѣтить. Ибо трудно, даже совсѣм невозможно понять ту китайскую абракадабру, на которой они изъясняются. Десятокъ русскихъ словъ имъ, впрочемъ, извѣстенъ.

— Откуда пріѣхали, изъ Чифу?

— Чифу! — отвѣчаетъ маленькій Хой.

— Можетъ быть, изъ Москвы?

— Москвы! — отвѣчаетъ маленькій Хой.

— А можетъ быть, изъ Петрограда?

— Петлоглада! отвѣчаетъ увѣренно Хой.

Весьма вѣроятно, что маленькій Хой говоритъ, въ данномъ случаѣ, правду.

— Почемъ шарики?

— Пять лубли!.. Моя плодавай, твоя купи!

Хой запускаетъ шарикъ покупателю въ носъ и покатывается отъ смѣха. Покупатель отскакиваетъ. Публика сочувственно улыбается...

Въ нѣсколькихъ шагахъ, съ такой же корзинкой, стоитъ малютка Хао.

Ея желтое худенькое личико задумчиво и печально. Черная челка падаетъ на выпуклый лобъ. Длинная коса болтается за спиной, точно водяной ужъ. Крохотныя ножки обращаютъ особенное вниманіе.

На всѣ вопросы она застѣнчиво отвѣчаетъ:

— Незна!

Сердобольныя женщины окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ:

— Какая худенькая?

— Пресвятая Владычица, это что же такое?

— Это ейныя ноги?..

Хао безучастно смотритъ на любопытныхъ и вертитъ бумажный шарикъ. Иногда, когда кто нибудь беретъ ее за плечико или за тонкую ручку, она огрызается, какъ дикій звѣрекъ, и показываетъ языкъ.

Публика улыбается...

Но вотъ, покачиваясь на изуродованныхъ пяткахъ, странной походкой, къ толпѣ пробирается старая китаянка.

Она, впрочемъ еще не такъ стара. Волосы черны, какъ смоль. Маленькіе раскосые глаза горятъ чернымъ. сердитымъ блескомъ. Желтые, щербатые, выдающіеся впередъ зубы, еще въ сохранности. На рукахъ серебрянные браслеты. Въ ушахъ золотые колечки. Одѣта она въ черную блузу и такіе же панталоны.

Ковыляя, китаянка расталкиваетъ толпу, что-то быстро лопочетъ и хватаетъ за руку Хоя.

Хой пытается улизнуть, но мать крѣпко держитъ его за шиворотъ.

— Ррразъ!

Полнозвучная оплеуха смазываетъ толстую щеку Хоя.

Хой ревет на всю улицу, но продолжаетъ держать корзину въ рукахъ. Взбѣшенная китаянка беретъ за ручку Хао и скрывается съ ней за угломъ.

Хой продолжаетъ ревѣть.

Крупныя китайскія слезы текутъ изъ его маленькихъ щелокъ. Онъ размазываетъ ихъ по всему лицу пятерней и жалобно взвизгиваетъ.

Потомъ успокаивается.

Черезъ минуту, снова вертитъ бумажный шарикъ, запускаетъ въ носъ покупателю и хохочетъ:

— Пять лубли!.. Шибко шанго!.. Моя плодавай, твоя купи!..

На Штрандѣ.

Море заснуло.

Сонный прибой лѣниво лижетъ песокъ.

Берегъ напоминаетъ поле сраженія.

Куда ни посмотришь, повсюду лежатъ человѣческія тѣла, во всѣхъ положеніяхъ, на животѣ, на спинѣ, съ раскинутыми ногами. Точно, на самомъ дѣлѣ, грозный богъ войны снова обрушилъ свою бронированную десницу и разметалъ человѣчество въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Мужчины, женщины, дѣти, молодые и старые, брюнеты и восхитительныя блондинки — всѣ, безразлично, пали въ качествѣ жертвъ какого-то гигантскаго поединка.

Вотъ, въ полосатыхъ трусикахъ, лежитъ неподвижный толстякъ. Онъ сраженъ наповалъ, уткнулся носомъ въ песокъ и солнечный лучъ ласкаетъ его могучую плѣшь.

Юная парочка, прильнувъ другъ къ другу, застыла въ предсмертныхъ объятіяхъ.

А вотъ свернулась на горячемъ пескѣ, дама съ сдобными формами, словно пасхальный куличъ или могильный курганъ, возлѣ котораго ползаютъ осиротѣвшія дѣти.

Направо, налѣво, во всѣхъ направленіяхъ, лежатъ безчисленныя тѣла, въ бѣлыхъ, жел-

тыхъ, полосатыхъ костюмахъ, въ зеленыхъ и синихъ халатахъ, напоминая стадо тюленей или пингвиновъ, грѣющихся въ іюльскомъ знoѣ.

А среди нихъ, точно гіены, бродятъ разносчики мороженаго, фруктовой воды, папиросъ.

И поле сраженія оглашается стономъ:

— Салдеюмсъ!

— Лимонадсъ!

— Шоколадсъ!

Мысли, какъ брызги, мысли, какъ чайки, кружатся, вьются, порхаютъ передъ глазами.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, пляжъ былъ богаче, наряднѣй.

Отъ Буллена до самаго Ассерна, всѣ пятнадцать верстъ знаменитаго рижскаго штранда, составляли одинъ роскошный курортъ, куда стекались со всѣхъ сторонъ обширной страны.

Петербуржцы, москвичи, иностранцы.

Сверкали цвѣтныя фуражки, краповые чакчиры и сабли военныхъ.

Яркими веселыми пятнами мелькали женскіе туалеты и бѣлоснѣжные кителя мичмановъ флота.

Статскіе кавалеры щеголяли, по преимуществу, въ модныхъ костюмахъ яхтменовъ — въ темныхъ пиджакахъ и брюкахъ цвѣта сгущенныхъ сливокъ.

Словомъ — эффектный калейдоскопъ.

Въ саду Горна звучала несравненная музыка варшавскаго филармоническаго орке-

стра. Въ эдинбургскомъ курзалѣ шли театральныя представленія — фарсы, комедіи, оперетки, гастроли заѣзжихъ артистовъ. Былъ оживленъ скетингъ-рингъ и мелькали на пляжѣ веселыя кавалькады.

Въ Морскомъ Павильонѣ сидѣла столичная публика, пила вино, оршадъ, прохладительные напитки, перекидывалась французскими фразами, любовалась моремъ, солнцемъ, закатомъ.

А когда наступалъ вечеръ и, точно золоченыя пчелы на синей парчѣ, загорались первыя звѣзды — на досчатыхъ площадкахъ, на берегу моря, рокоталъ вѣнскій вальсъ, кружились юныя парочки, сыпались, словно дождь, конфетти и серпантинъ. Широко улыбалась ласковая луна. Стоявшая на морѣ эскадра заливала берегъ фантастическимъ свѣтомъ прожекторовъ. И до разсвѣта, на всѣхъ углахъ и скамейкахъ, слышался шопотъ, смѣхъ, поцѣлуи...

Теперь прежней роскоши нѣтъ.

Все стало проще, обыкновеннѣй.

Но развѣ не то-ли море плещется передъ глазами?

Не тѣ-ли сосны стерегутъ бархатный берегъ?

Не то-ли самое солнце глядитъ немигающимъ окомъ, золотитъ воду, превращаетъ въ бронзу человѣческія тѣла? .

Огненный шаръ стоитъ надъ самою головой, склоняется ниже и вотъ, уже готовится утонуть въ синемъ ковшѣ.

Поле сраженія оживаетъ.

Одна за другой подымаются человѣческія фигуры, бродятъ по берегу, мимо кабинокъ, мимо лонгшезовъ. Въ водѣ слышенъ плескъ, визгъ, возня, веселыя восклицанія. Бѣлая кромка прибоя лижетъ горячій песокъ. Сверкаетъ парусъ. Кружатся чайки. Вьются пароходные дымы...

И такъ, до самаго вечера, будетъ стоять передъ глазами эта нѣжная акварель, изъ красокъ неба и моря, будетъ звучать умиротворяющій душу ноктюрнъ, изъ пѣнья солнца и волнъ...

Не надо волнующихъ мыслей, не надо терзающихъ думъ!

Не вспоминать о минувшемъ и жить, дышать настоящимъ.. Лежать на знойномъ пескѣ и глядѣть въ бездонную синь... И принимать, безъ всякихъ сравненій, роскошные дары рижскаго штранда...

Лучшій въ мірѣ песокъ.

Лучшее солнце и сосны.

И, безъ сомнѣнія, лучшее море.

Потому, что — родное...

„Послѣдній взмахъ
Платочкомъ бѣлымъ,
Послѣдній вскрикъ любимыхъ губъ
И, какъ во снахъ,
Безъ думъ, безъ тѣла,
Послѣдней вспышки дымный клубъ.
Не вспоминать,
Не рыться въ письмахъ,
Рѣшить: то было только сонъ,
И помнить, знать:
Могила — мысли,
А сердце — выжатый лимонъ..."

Ливонская Калифорнія.

Всего какихъ-нибудь пятьдесятъ километровъ отдѣляютъ нашу столицу отъ этого живописнаго края.

Одни называютъ его Ливонской Швейцаріей, другіе—Ливонскою Калифорніей. Съ одинаковымъ правомъ, его можно назвать и Ливонскимъ Кавказомъ.

Все это лишь относительно вѣрно.

Въ дѣйствительности, масштабъ этихъ красивыхъ возвышенностей болѣе скроменъ. И ни одинъ цейссъ не откроетъ на горизонтѣ не только Монбланъ, но даже простую валдайскую сопку...

Трехчасовой рижскій поѣздъ, послѣ пробѣга по волнистой равнинѣ, съ картофельными полями, еловыми рощами и нивами заколосившихся злаковъ, останавливается у станціи Зигулда, иначе—Зегевольдъ.

Нарядное зданіе, съ длинной, недавно отстроенною верандой, принимаетъ проголодавшихся пассажировъ. Бойко торгуетъ буфетъ. Взадъ и впередъ бѣгаютъ полногру-

дыя зегевольдскія яункундзе. Въ цвѣтникѣ чирикаютъ зегевольдскіе воробьи. Воздухъ наполненъ особою свѣжестью, крѣпкой, бодрящей, какъ зегевольдское молоко.

У вокзала стоятъ ямщики.

Это солидные, степенные люди. Они не рвутъ туристовъ, направляющихся въ Зегевольдъ, Кремону или Трейденъ, на части. Съ чувствомъ достоинства, точно рижскіе фурманы, покуривая махру, они спокойно держатся у своихъ лошадей. Не торгуются и не сбиваютъ цѣну. На вопросъ, роняютъ вѣсскую цыфру, изъ которой не уступятъ сантима.

Ихъ экипажи—оригинальное сооруженіе, напоминающее «линейку».

Рыжая кобыла лѣниво перебираетъ ногами и, трюхъ-трюхъ, плетется по пыльной дорогѣ, изборожденной, словно морщинами, глубокими колеями. Это «шоссе», какъ утверждаютъ, обошлось въ мильонъ рублей. Не приведи Создатель, попасть на него въ осеннюю слякоть!..

Справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ, лежитъ та же, волнистая равнина, съ кустарникомъ колючаго будяка, съ квадратами ячменя, чахлой ржи, съ сочными зеленями картофеля.

До усадьбы всего полторы версты съ гакомъ. Но гакъ не менѣе двухъ, и такимъ образомъ, въ общей сложности, нужно считать всѣ четыре версты.

Тѣнистая аллея изъ елочекъ приводитъ къ усадьбѣ—«Ольгасъ Руэ».

Красивый двухъэтажный особнячокъ, съ вышкой, съ балконами и верандой, стоитъ въ центрѣ фруктоваго сада.

Садъ переходитъ въ старый запущенный паркъ. На сплошномъ коврѣ изъ черники стоятъ огромныя сосны, вѣковые дубы, ширококостволые вязы, ясени, клены. Передъ домомъ—цвѣтникъ съ алыми розами, съ бордюромъ изъ желто-черной бархатки. Потомъ, живая изгородь изъ подстриженныхъ акацій, скамейка и...—здравствуйте, пожалуйста!—передъ взорами открывается неожиданный видъ.

Представьте рѣзкій крутой обрывъ, переходящій въ глубокую балку, на днѣ которой журчитъ горный потокъ. Далеко внизу, подъ ногами, сверкаетъ голубая полоса Гауи. А за нею видѣнъ лѣсистый хребетъ, съ красной башней стараго Трейдена.

Синее небо съ застывшими облаками, глубокая рѣчная долина, изумрудная зелень листвы, журчащій потокъ—все вмѣстѣ, создаютъ картину подлиннаго очарованія. Тихій покой разлитъ на этой благоухающей красотѣ.

А воздухъ напоминаетъ не молоко, а настоящія зегевольдскія сливки...

Ясное росистое утро.

Узенькая дорожка вьется прихотливой змѣей вдоль ущелья. Кое-гдѣ, въ каменистой почвѣ, высѣчены ступени. Дорожка, съ уступа на уступъ, ведетъ въ настоящую

джунглю, сырую, темную, съ папоротниками въ человѣческій ростъ, съ ліанами, съ мохнатыми елями, съ гладкоствольнымъ ольшинникомъ. Порхаютъ дрозды, долбятъ пестрые дятлы. По ночамъ, при свѣтѣ луны, здѣсь ухаютъ совы.

Охватываетъ прохлада.

Горный ручей, съ студеной, кристально-прозрачной водой, бѣжитъ съ камня на камень, напѣвая воркующую мелодію. Временами расширяется въ крошечныя лагуны, въ которыхъ мелькаетъ форель.

Джунгля кончается и передъ глазами — бархатный лугъ, съ лопухами и ветлами, съ песчаной отмелью Гауи, по которой бѣгаютъ кулики. Вода чистая, ясная, точно слеза, съ быстрымъ теченіемъ. Солнце играетъ на ней яркими бликами, заливая тѣмъ же золотымъ пламенемъ высокій кряжъ противоположнаго берега, съ крутыми откосами, съ четко виднѣющейся на самой вершинѣ старой Трейденской башней.

— Го-го-го-го!..

Гулкое эхо разносится по долинѣ, десятикратными отзвуками отдаваясь отъ кручъ...

Вотъ Гутманская пещера.

Буйное теченіе Гауи выгрызло ее съ незапамятныхъ поръ.

Она широка, въ глубинѣ царитъ полумракъ, въ углу сочится горный ключъ. Стѣны испещрены надписями.

Ихъ сотни, тысячи, десятки тысячъ. Отъ свода до самаго низа стѣны изукрашены

инициалами, именами, гербами съ рыцарскими коронами, датами. Говорятъ, въ прежнее время, ихъ вырѣзали особые рѣзчики. Многія надписи отличаются художественнымъ исполненіемъ:

„Анна Магдалена
Фонъ Тизенгаузенъ.
Анно 1677".

Нѣмецкія, латышскія, русскіе имена.. Латинскія изрѣченія, геральдическія фигуры... Вотъ нѣсколько современниковъ Густава Адольфа, Карла XII и Петра I... Вотъ болѣе поздніе современники отечественной войны... На одной стѣнѣ—огромный двуглавый орелъ, съ гербомъ на груди... Утверждаютъ, будто онъ вырѣзанъ въ присутствіи императора Александра I..

Словомъ, живая цѣпь хронологіи, ведущая въ глубокую древность. Уже давно истлѣли кости всѣхъ этихъ людей. Но имена ихъ живутъ на желтомъ песчаникѣ таинственныхъ стѣнъ...

Воспоминаніе воскрешаетъ легенду о красавицѣ Май Розѣ.

Здѣсь, въ этомъ гротѣ, ей напѣвалъ три вѣка тому назадъ любовныя пѣсни молодой садовникъ, Викторъ Гейль..

Такъ же журчалъ горный ключъ.

Многія надписи глядѣли безмолвно со стѣнъ.

Такъ же сверкало знойное іюльское солнце.

Здѣсь же, спасая свою дѣвичью честь, Май-Роза пала подъ ударомъ ножа отвергнутаго соперника.

Бѣдная трейденская красотка!

Широкая лѣсная дорога ведетъ наверхъ, мимо старой деревянной церковки и могилы Май-Розы, среди чащи могучихъ дубовъ. А на самомъ верху, на неприступномъ утесѣ, стоитъ Трейденскій замокъ.

Остались только развалины да высокая башня съ бойницами.

У подножія лежатъ груды кирпича и камней. Подземные люки забраны ржавой рѣшоткой. Воздвигнутый въ тринадцатомъ вѣкѣ ливскимъ вождемъ Каупо, старый Трейденъ служилъ надежнымъ оплотомъ и стойко отражалъ нападенія гордыхъ тевтоновъ.

— Го го-го-го!—перекликается горное эхо.

Надъ головой—синее небо съ пылающимъ солнцемъ, съ застывшими барашками облаковъ. Внизу, подъ ногами — широкая рѣчная долина, въ изумрудномъ коврѣ, петлистое кружево Гауи...

И кругомъ ошеломляющій, несказанный просторъ!..

Рижскій калейдоскопъ.

Золотой пѣтухъ на киркѣ Петра уже прокричалъ трижды свое «кукареку», ночные сторожа, кряхтя и охая, отправляются на покой, съ трескомъ подымаются желѣзныя ставни магазиновъ Стараго Города, на узенькихъ уличкахъ просыпается жизнь.

— «Свейксъ, яуна Рига!

Любопытно побродить въ этотъ часъ по стогнамъ латвійской столицы, понаблюдать, прицѣниться къ выставленнымъ въ «тирготавахъ» товарамъ— сорочкамъ и галстукамъ парижской модели, ювелирнымъ издѣліямъ неизвѣстнаго происхожденія, нѣмецкимъ машинамъ, англійскимъ шинамъ, голландскимъ тюльпанамъ, нидерландскимъ бананамъ, подметкамъ, сосискамъ и шпеку собственной выдѣлки.

А любители старинной архитектуры, не разъ и не два, остановятся въ созерцаніи стильныхъ строеній отдаленнаго вѣка, который выпираетъ изъ всѣхъ щелей нашего города.

— Чего стоитъ одинъ Домъ Черноголовыхъ?

— А Старый Замокъ?

— А Биржа?

А сотни крошечныхъ домиковъ, четыре шага по фасаду, вылѣзшихъ на свѣтъ божій, точно грибокъ-боровикъ, съ зеленой черепичною крышей, съ чугунными переплетами оконъ, съ загадочными эмблемами на фронтонѣ — свидѣтелями славныхъ ганзейскихъ дней?

Многое достойно здѣсь пристальнаго вниманія, изученія и, само собой разумѣется, уваженія...

А въ полдень интересно потолкаться у Биржи.

Здѣсь, главнымъ образомъ, привлекаетъ толпа, возбужденная, жестикулирующая толпа, объясняющаяся на всѣхъ языкахъ міра, дѣлающая изъ «воздуха» американскія состоянія и съ тою же легкостью превращающая солидную акцію въ «воздухъ»...

Не лишена интереса и прогулка по прилегающимъ улицамъ, съ громадами многочисленныхъ банковъ, экспортныхъ и пароходныхъ конторъ, съ красочными плакатами, переносящими, въ одно мгновенье, притомъ совершенно безплатно, на солнечный югъ, на Ривьеру, въ экзотическую Бразилію и Аргентину...

А въ расположенномъ рядомъ кафэ, извѣстномъ каждому уважающему себя рижанину, кафэ Рейнера, можно, за чашкою мокка, заключить превосходую сдѣлку и одновременно быть свидѣтелемъ шахматнаго турнира.

Вообще, не перечислить всѣхъ впечатлѣній, картинокъ и сценъ, которыя въ состо-

янiи поймать мало мальски наблюдательный глазъ.

И приэтомъ необходимо быть на чеку. И съ тою же зоркостью, какъ за палочкой картибнѣка, слѣдить за влеченiями души:

„Въ каждомъ предметѣ есть жуткая сила отравности,
Даже въ левкояхъ запрятано острое зло,
Дремлетъ кураре въ афишахъ — герольдахъ забавности,
Въ вывѣскахъ дико маячитъ Харона весло.
Въ пыльномъ асфальтѣ шевелятся жала змѣиныя,
Въ пышномъ боа — удушенья кокетливый знакъ,
Шарятъ стилеты прожекторовъ длинные-длинные,
Чаша съ цикутой — изящной кокотки башмакъ...“

Топъ топъ-топъ!..

Ноги, какъ крылья, ноги, какъ мощный бипланъ, переносятъ отъ Известковой и бульвара Аспазiи, въ сосѣднiй кварталъ, расположенный за каналомъ.

Кто не знаетъ круглое зданiе, на улицѣ Меркеля, или прежде — Паулуччи, къ которому, какъ всѣ пути въ Римъ, сходятся рижскiя, хорошо проторенныя дороги?

— Лудзу!.. Прошу васъ!.. Будьте любезны!..

Это — циркъ Саломонскаго, развлекающiй, кромѣ обычной программы, зрѣлищемъ международнаго чемпiоната грекоримской борьбы.

— Аве, Рига!.. Моритури те салютантъ! — могутъ воскликнуть тѣ широкiя, кряжистыя фигуры, молчаливо сидящiя въ вестибюлѣ или въ буфетѣ, за кружкой ильгецемскаго пива.

А на аренѣ идетъ дрессировка.

Красивой собранной рысью по кругу бѣгаетъ пять сѣрыхъ арабовъ. Щелкаетъ бичъ, слышится окрикъ:

— Фрицъ!.. Ромео!.. Пальмира!..

Въ уголкѣ, среди воздушныхъ гимнастовъ, жонглеровъ и «рыжихъ», продѣлывающихъ мимоходомъ «фликъ-флакъ» и сальтомортале, стоитъ знаменитая индійская труппа. Шоколадные люди въ пестрыхъ тюрбанахъ, факиры, горбатые бычки-зебу, добродушная слониха Яссо — все это будетъ вечеромъ восхищать публику и награждаться несмолкаемыми рукоплесканіями.

Вотъ женщина-геркулесъ, выдерживающая на себѣ тяжесть въ двѣ тысячи кило, ударомъ кулачка разбивающая въ пудру булыжникъ, сгибающая рельсъ, точно губной карандашикъ. Вотъ общій любимецъ, красавецъ-эквилибристъ, Максимильяно Труцци, лилипуты и карлики, музыкальные эксцентрики и партерные акробаты.

Нельзя не отмѣтить, конечно, и «руссише шенхейтъ», фрейлейнъ Нину, въ граціозномъ «актѣ красоты и изящества». И само собой разумѣется, артистами изумительнаго искусства является румынская труппа Велеско, и кавалеры и очаровательныя партнерши...

По кругу галопируетъ караковый меринъ.

На немъ работаютъ сестры Зюлейки — круглолицая, задорно улыбающаяся Іоганна, въ короткихъ штанцахъ, въ вязаной кофточкѣ, обтягивающей крѣпкую дѣвичью

грудь, и маленькая скромная Кэтъ. Тут же вертится крошечный Чарли.

Мутти Готье, хозяйка караковаго драбанта, крупная дама съ выразительными чертами лица, заложивъ ногу за ногу, сидитъ въ лисьемъ боа, въ креслахъ партера, дымитъ папиросвой:

— Чарли!.. Думкопфъ!.. Ди шпицце нидеръ! — кидаетъ мутти Готье.

Но бѣдный Чарли неожиданно теряетъ балансъ, валится съ лошади и, дрыгая тонкими ножками, безпомощно виситъ въ воздухѣ на оберъ-лонжерѣ.

„Городъ-волшебникъ, готовящій зелья различныя,
Знаетъ напитки какіе для грезы какой —
Только всмотритесь внимательно въ факты обычные,
Къ вамъ никогда не вернется бывалый покой.
Каждая радость несетъ неизмѣнно страданіе,
Каждый восторгъ причиняетъ сосущую боль —
Но не въ разладѣ-ли главное дней обаяніе,
Не диссонансъ-ли поэта коронная роль?“

Для любителей серьознаго спорта есть другое, еще болѣе интересное зрѣлище.

Стоитъ только взять трамвайный билетъ и поѣхать на Ипподромъ...

— Лудзу!.. Какъ вамъ это понравится?..

Состязанія въ полномъ разгарѣ.

Весело рѣютъ малиново-бѣлые флаги. Ложи, трибуны переполнены публикой. У кассъ тотализатора не протолкаться. Яркимъ букетомъ выдѣляются фуражки военныхъ и весенніе туалеты. Звонко заливается мѣдь ослѣпительныхъ трубъ, кларнеты и флейты оркестра.

А на дорожкѣ, передъ судейскою вышкой, уже готовится заѣздъ «перваго класса».

Здѣсь налицо весь кровный матеріалъ нашихъ конюшенъ — хрупкая Ластъ Шійтъ и могучій Маюфесъ, вороной красавецъ Кварнеро, допингированный Драуфгенгеръ, американецъ Дженералъ-Тодтъ, Лобелія, Ревенантъ, Азра, Петроній.

Стартеръ долго подравниваетъ горячащихся лошадей, наконецъ, взмахиваетъ краснымъ флажкомъ:

— Пошли!

Дружно, безъ сбоевъ, компанія бросается и идетъ по дорожкѣ, до перваго поворота. На противоположной прямой соперники растягивается все больше и больше, кто-то капризничаетъ, мелькаютъ «качалки» и разноцвѣтные камзолы наѣздниковъ, два головныхъ идутъ мертвымъ гитомъ, бросивъ всѣхъ остальныхъ.

Публика срывается со скамеекъ, кричитъ, оживленно жестикулируетъ:

— Маюфесъ!

— Драуфгенгеръ!

— Маюфесъ!

Широкимъ напористымъ ходомъ орловецъ выдвигается на прямую и, въ жестокой борьбѣ, подъ грохотъ рукоплесканій, приходитъ первымъ на цѣлый корпусъ къ столбу...

На трибунахъ можно встрѣтить многихъ знакомыхъ.

Общественный, коммерческій, артистическій міръ является неизмѣннымъ посѣтителемъ конскихъ ристалищъ.

Вотъ, артистъ Русской Драмы, нашъ та-

лантливый женъ-премье, кумиръ женскихъ сердецъ — Гавріилъ Матвѣевичъ Тереховъ.

Въ черной крылаткѣ, съ бамбуковой тросточкой, сосредоточенный, задумчивый, бродитъ онъ между трибунъ ипподрома, напоминая легендарнаго датскаго принца. Иногда спускается внизъ, къ кассамъ тотализатора, и уста его шепчутъ сакраментальную фразу:

— Быть или не быть?

— На Азру или на Люци-Джоннесъ?

И Гавріилъ Матвѣевичъ вынимаетъ бумажникъ...

„Можетъ быть въ мрачномъ и мутномъ ума помраченіи
Есть просвѣтленіе Истины, скованной въ насъ?
Можетъ быть бредъ — это мудрости солнцесвѣченіе,
Можетъ быть нуженъ, какъ Богъ, кокаинный экстазъ?
Всѣ мы — Шекспиры, лишенные счастья гармоніи
Всѣ мы — Бетховены брызгно гремящихъ сонатъ,
Радостей, боли,мученій, эксцессовъ, агоніи
Въ душу вливается мѣрно пылающій ядъ"...

А когда опустится вечеръ, зажгутся миріады огней и вспыхнутъ надъ городомъ свѣтовыя рекламы, есть еще одинъ притягательный центръ, влекущій къ себѣ, какъ влечетъ мошекъ огненный глазъ маяка.

— Лудзу!.. Будьте любезны!.. Сдѣлайте одолженіе!..

Это — «Сплендидъ-Паласъ», нашъ несравненный кино-театръ, съ избранной публикой и столь же избранною программой.

Три миловидныхъ созданія стерегутъ входы. Три золотистоволосыхъ фигурки, въ вязаныхъ кофточкахъ, съ улыбкою на устахъ.

Это не Церберы у входа въ мрачную преисподнюю. Это — прекрасныя гуріи въ преддверіи Магометова рая.

Другими словами, это—«барышни съ фонариками»...

Сдѣлаться «барышней» не такъ просто, какъ кажется.

Для многихъ эта возможность утрачена навсегда. Для другихъ требуетъ чрезвычайныхъ усилій. И только отдѣльныя, обласканныя природой особы, могутъ разсчитывать на занятіе этаго амплуа...

Гаснетъ электрическій свѣтъ.

Музыкальная программа начинается бравурнымъ чардашемъ.

И передъ взорами, одинъ изъ шедевровъ сезона, яркій, чарующій фильмъ, подъ названіемъ «Венгерской Рапсодіи»...

Сеансъ законченъ.

Удовлетворенная публика покидаетъ театръ и растекается по улицамъ города, кто одиночнымъ порядкомъ, кто парочками, кто въ составѣ цѣлаго общества.

И только праздный поэтъ, закуривъ папиросу и взглянувъ на часы, продолжаетъ топтаться у выхода и терзаться вопросомъ:

— Въ Альгамбру?

— Въ Фокстроттъ-Диле?

— Или въ кафэ де л'Опера?...

А, въ концѣ концовъ, проводитъ ночь въ другомъ мѣстѣ и совсѣмъ по иному...

„Наша трагедія — ложь ощущенія цѣльности,
Всѣ мы въ осколкахъ и сердце у насъ — бахрома.
Сердце всецѣло во власти мірской карусельности,
Въ немъ Поль де Кокъ, и Бодлеръ, и Толстой, и Дюма.
Мы автоматы, но жизни у насъ есть подземныя,
Тихо звенящія гдѣ-то у грезы на днѣ.
Наши желанья — смѣшныя рабыни гаремныя,
Можетъ быть истинно всѣ мы живемъ лишь во снѣ?..“

Бабье лѣто.

Латгалія — страна песка, еловыхъ шишекъ и озеръ.

Уже отпѣли соловьи и отцвѣли сирени.

Снятъ хлѣбъ, отяжелѣли яблони, а въ огородахъ запестрѣли маки. Стали прохладны утренники и по осеннему ясны.

Со всѣхъ сторонъ сверкаютъ серебристыя зеркала, обрамленныя лознякомъ и камышевой гущей. Вода и лѣсъ, сады и огороды. Поселки, дачи, хутора. Стальное полотно, теряющееся въ синей дымкѣ бора...

Тракенская кобыла, съ наслѣдіемъ войны — пулевой царапиной на ляжкѣ, несетъ меня проселкомъ.

По сторонамъ — песокъ и ельникъ, лиловый верескъ, мохъ. Пестрѣютъ луговыя пожни. На маковкѣ сухой сосны сидитъ ворона.

Меланхолическій пейзажъ, струящій томную іюльскую дремоту...

Переваливъ песчаные бурханы, дорога вьется боромъ. Пустынно, нелюдимо. Подростокъ-дѣвочка, съ плетенкою въ рукѣ, собираетъ на топливо шишки.

— Ку-ку!.. Ку-ку! — отсчитываетъ запоздавшіе часы кукушка.

Еще два поворота — и открывается зданіе курзала, со скетингъ-рингомъ, полузаросшимъ сорною травой.

Это — Погулянка.

Рядъ комнатъ, пустыхъ, холодныхъ, неуютныхъ, со слѣдами большевицкаго постоя и войны.

Стѣны загажены надписями:

„Смерть буржуямъ!"
„Лях-собака, все одинако!"
„Просятъ сознательныхъ товарищей не отлучацца из каравульнава помещения!"

На одной изъ стѣнъ, рукой красноармейскаго Мурильо, изображена нагая женщина и непристойныя цитаты.

Внизу течетъ Двина.

Ползутъ совѣтскіе плоты. Далеко видѣнъ противоположный берегъ, съ лугами, пашнями, лѣсами, въ голубоватой дымкѣ полуденнаго марева...

Всего лишь получасовая прогулка, по требующимъ нѣкотораго ремонта шпаламъ, отдѣляетъ латгальскую столицу отъ совсѣмъ иного царства.

Здѣсь полотно, минуя домикъ путевого сторожа, съ обычнымъ огородомъ и пятнами подсолнуховъ и желтыхъ георгинъ, проходитъ выемкой.

По обѣ стороны — сосновый боръ, черника, голубика, папоротники, мохъ, гдѣ пахнетъ богуномъ и свѣжими грибами.

Между стволами сосенъ играютъ золотые блики. Летаетъ паутина, а на землѣ лежатъ густыя тѣни.

— Тукъ-тукъ!.. Тукъ-тукъ! — выстукиваетъ дятелъ монотонную симфонію.

Вотъ — Трикартъ Эзерсъ.

Лѣсное озеро, съ спокойной безмятежной гладью, съ идиллическими елочками вокругъ. Лучъ догорающаго солнца играетъ на водѣ. Чуть шелеститъ аиръ, плеснется щука и только дятелъ долбитъ по прежнему лѣсную завороженную сказку:

— Тукъ-тукъ!.. Тукъ-тукъ!..

И точно, вѣетъ сказкой, мифомъ, настроеніемъ.

Ужъ не Аленушка-ли сидитъ подъ елочками насупротивъ и, свѣсивъ съ плеча темную косу, задумавшись, глядитъ на воду?

Нѣтъ, это не Аленушка изъ сказки, а Софья Абрамовна, учительница изъ поселка Погулянки...

За озеромъ — тетеревиныя мѣста, осина, верескъ, ягоды, ржавыя болотца и низкорослый ельникъ. Острѣе пахнетъ богуномъ и мохомъ. Фррръ! — съ знакомымъ клохтаньемъ, выскакиваетъ изъ подъ ногъ тетеревиный выводокъ.

Подъ самый вечеръ, надъ озеромъ летаютъ кряквы и чирята.

Молодой мѣсяцъ отражается въ черной водѣ.

Рождаются ночные звуки.

Кричитъ сова.

Лѣсъ просыпается и сосносонное дыханье становится тревожнѣй и острѣй...

Динабургъ... Двинскъ... Даугавпилсъ...

Сначала великая война, потомъ большевики, поляки — все приложило руку, калѣчило, жгло, уничтожало.

Нанесенныя раны еще не затянулись.

Еще зіяютъ, точно глазницы черепа, окна разрушенныхъ зданій. Хмуро глядятъ оскалы и щели домовъ. Еще чернѣютъ слѣды пожарищъ.

Воистину многострадальный городъ!

Онъ чинится, красится, приводитъ себя въ порядокъ и, точно выбывшая изъ строя кокотка, помнящая лучшіе дни, пытается возстановить утраченную свѣжесть при помощи сильныхъ косметическихъ средствъ..

Обсаженная тополями дорога ведетъ въ крѣпость.

Зеленый брустверъ, рвы, амбразуры, потерны и вѣковой гранитъ, проросшій рыжимъ мохомъ. Казармы, интендантскіе склады, передѣланный когда-то изъ іезуитскаго костела величественный соборъ, маячущій издали своими тонкими остріями, точно два гигантскихъ минарета. Посрединѣ — маленькій скверъ и памятникъ изъ трехъ, поставленныхъ торчкомъ, пушекъ. На треугольномъ цоколѣ надпись:

Динабургъ-Двинскъ.
1810—1912.

Рвы заросли травой. За брустверомъ пасется скотина. На бастіонахъ растутъ цвѣты и скачутъ пестрыя трясогузки. На прилегающемъ зеленомъ лугу обучается молодое латвійское воинство.

Дорога въ городъ проходитъ знаменитою двинскою дамбой. На лѣвой сторонѣ дороги стоитъ чугунный столбъ:

„Сею плотиною городъ Динабургъ предохраненъ отъ наводненія 1841 года. Сооружена въ царствованіе императора Николая I. Управляющій государственными постройками генералъ-адъютантъ графъ Толь."

Гигантское сооруженіе тянется на нѣсколько верстъ. Прекрасенъ видъ на рѣку и лѣвобережную Гриву. Двинская дамба — излюбленное мѣсто прогулокъ двинскаго общества.

Рядомъ — Дубровинскій скверъ, съ каштанами, липами, съ ротондою для музыкантовъ, со скамейками, искромсанными перочинными ножами.

А городъ — Боже мой, что за городъ!

На вымощенныхъ звѣрскимъ булыжникомъ «перспективахъ» и «авеню», дремлютъ аптекарскіе магазины съ «парижской» парфюмеріей, миндальнымъ мыломъ, пудрой. Часовщики и гробовщики, галантерейныя и трикотажныя лавки, съ лодзинскою фланелью, мадепаламомъ, мануфактурой. Въ писчебумажномъ магазинѣ можно купить халву. Въ бюро похоронныхъ процессій — пару подтяжекъ и булку съ изюмомъ. Словомъ — Мюръ-Мерилизъ.

Однако, храни, все же, Создатель, проявить любопытство!

Хозяйка, на колченогомъ табуретѣ стерегущая входъ, безотговорочно хватаетъ за полы и силкомъ влечетъ въ магазинъ.

Стереотипны цирюльни съ размалеванными физіономіями, засиженныя мухами изображенія мѣстныхъ красавицъ — «миссъ Даугавпилсъ» и ловеласовъ въ фотографическихъ витринахъ, кирпичные ряды, дворы, трактиры и чайныя, паскудныя меблирашки съ изумительными названіями — отель Лондонъ, Бристоль, Варшава...

Протарахтитъ извозчикъ на старой, безногой, выслужившей всѣ сроки, клячѣ — улица оглядываетъ сѣдока.

Если промчится прыщавый франтъ въ модныхъ ботинкахъ «шимми» или пройдетъ подозрительная особа въ сѣромъ, задолго до войны скроенномъ «тальерѣ« — это почти событіе.

Тихо, сонно, убого.

И только бравые кавалерійскіе солдаты, въ желтыхъ шапкахъ, мелодично терзаютъ шпорами булыжники мостовыхъ...

Каждый городъ, самый захудалый и скромный, чѣмъ либо извѣстенъ, чѣмъ нибудь славится. Вспомнить только — пирожки въ Лугѣ, кулебяку въ Сарнахъ, малороссійскій борщъ въ Жмеринкѣ.

Двинскъ—славится грязью.

Вотъ городъ, о которомъ кто-то сказалъ, что по немъ не стоскуешься, его не полюбишь, не вспомнишь.

— Это невѣрно!—сказала мнѣ дѣвушка

въ сарафанѣ, съ васильковыми глазками.— Двинскъ можно любить и тосковать по немъ можно... Въ особенности, когда онъ—родной городъ, когда онъ—колыбель первыхъ раздумій!..

Впрочемъ, мало по малу, физіономія города измѣняется къ лучшему.

Убираются разрушенныя руины, возводятся новыя зданія, городъ приспособляется къ требованіямъ прогресса.

Но многое изъ прежняго остается, увы, въ области воспоминаній.

Вотъ, напримѣръ - могучая желѣзнодорожная артерія, соединявшая два центра, Петербургъ и Варшаву, съ потоками поѣздовъ-молній, съ международными вагонами, съ былою роскошью и комфортомъ...

Сейчасъ, за ненадобностью, снята вторая колея. Двѣ пары поѣздовъ поддерживаютъ сообщеніе, на сѣверъ до Ритупе—прежнее Жогово, на югъ до станціи Земгале, прежній Турмондъ.

Старый петербургскій вокзалъ остается въ полуразрушенномъ видѣ.

А между тѣмъ, давно-ли кипѣла здѣсь жизнь?

За длинными столами сидѣла многоликая оживленная публика, звенѣла посуда, жужжалъ разговоръ, сверкали въ окнахъ залитые огнемъ поѣзда.

На мраморной стойкѣ возвышались пирамиды разноцвѣтныхъ бутылокъ, горы за-

кусокъ подъ стеклянными колпаками, бисквиты и фрукты въ тяжелыхъ хрустальныхъ вазахъ.

Шныряли услужливые лакеи во фракахъ, а за газетнымъ кіоскомъ сидѣла не лишенная миловидности молодая особа.

И регулярно, съ часовымъ промежуткомъ, появлялся въ залѣ перваго класса толстый, добродушный кондукторъ, гремѣлъ звонкомъ и кричалъ хриплымъ басомъ:

— Островъ — Псковъ — Гатчина — Петербургъ!.. Первый звонокъ!

Все скрылось далече.

Все исчезло въ бѣгѣ времени, какъ призракъ, какъ сказка, какъ томительный сонъ...

Городокъ въ табакеркѣ.

Каждый городъ имѣетъ физіономію.

Одинъ—привлекательную, другой—совершенно безцвѣтную, не стоющую вниманія, третій—просто отталкивающую.

Напримѣръ, Рига — это капризная дамочка, неопредѣленнаго возраста, съ наклонностью къ моговству и кокетству.

Двинскъ—опредѣленная морда.

Что касается Люцина, я бы назвалъ его старичкомъ съ плутовской рожицей и улыбкой...

Люцинъ не избѣгъ общаго правила, по которому инженеры - строители проводили обычно дорогу на нѣкоторой дистанціи отъ города.

Объясняется это разными соображеніями—экономическими, стратегическими и политическими. А главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы не стѣснять городъ въ темпѣ его развитія.

Такъ, огороды съ картошкой и кормовой рѣпой, въ настоящее время, подошли къ магистрали вплотную...

Прямая, какъ стрѣла, улица ведетъ отъ вокзала въ городъ.

Собственно, это не улица, а шоссе, вымощенное крупнымъ булыжникомъ, по которому желѣзныя шины колесъ скачутъ съ пулеметнымъ трескомъ и грохотомъ.

И когда на эту картину смотришь со стороны, невольно возникаетъ вопросъ:

— Доскачетъ такое колесо до Москвы?

На это можно отвѣтить:

— Нѣтъ, рѣшительно не доскачетъ!

Шоссе тянется на версту. По сторонамъ, въ зелени огородовъ и липъ, точно бородавки на старомъ морщинистомъ лицѣ, примостились деревянные домики, чайныя, заѣзжіе дворы и другія постройки.

Шоссе тянется кверху и, лишь когда бричка взберется на самый пупъ булыжнаго авеню, панорама города открывается во всей широтѣ...

Не очень это яркая панорама.

Городокъ производитъ достаточно кислое впечатлѣніе. Двѣ-три улицы считаются главными. На городской площади еще живы слѣды послѣдней ярмарки—кучи неубраннаго навоза, досчатые балаганы, ларьки. Въ кооперативахъ и лавкахъ хранится залежавшійся годами товаръ.

Ничто не измѣнило былой физіономіи городка. Ни война, ни революціонная смута, ни землетрясеніе въ Токіо, ни конференція въ Гаагѣ.

— Хоть бы хны!—какъ выражаются по сосѣдству, за зилупскимъ рубежомъ.

Окаймленный скверомъ изъ ясеней, стоитъ соборъ. На кручѣ, обрывающейся къ озеру отвѣсной стѣной, чернѣютъ развалины знаменитаго замка.

Озеро—Большая Лужа, занимаетъ огромную площадь, сверкающую подъ солнечными лучами. Въ неясной дымкѣ тонутъ очертанія противоположнаго берега, съ хуторами и рощами, съ полосами желтыхъ хлѣбовъ, съ синеватой каймою лѣса на горизонтѣ.

За это озеро можно простить городу булыжникъ его мостовыхъ, ароматъ его улицъ и площадей...

Откуда—Люцинъ, это непонятное слово? Легенда даетъ объясненіе.

Знаменитый рыцарь, Конрадъ фонъ Торбергъ, завоевавъ край и распространивъ вліяніе ливонскаго ордена на востокъ, до самой границы съ Московіей, построилъ три замка. По имени трехъ своихъ дочерей — Люціи, Розаліи и Маріи, рыцарь далъ замкамъ названія Люцина — Розиттена (Рѣжица) — Маріенгаузена.

Люцинскій замокъ представляетъ настоящую крѣпость.

Онъ расположенъ на неприступной вершинѣ. Его осада стоила дружинамъ Ивана Грознаго не малыхъ усилій и «большой крови».

Сейчасъ сохранились только поросшія мохомъ, гнилыя, ветхія стѣны да высокія

башни. Въ полной сохранности стоитъ основаніе изъ дикаго камня. Этого камня, по приблизительному подсчету, хватило бы на постройку всѣхъ люцинскихъ мостовыхъ.

Гдѣ люди, которые созидали эту твердыню?..

Какая жизнь била за этими развалившимися кирпичными стѣнами?..

Какіе клики торжества и отчаянія оглашали эти гордыя башни?..

Теперь здѣсь гробовое молчаніе.

И на томъ мѣстѣ, гдѣ шли рыцарскіе пиры, мирно произрастаетъ капуста...

Люцинъ встрѣчаетъ вечерній поѣздъ.

На перронѣ не протолкаться. Барышни въ бѣлыхъ платьицахъ, съ разноцвѣтными ленточками, съ свѣжими, не подведенными губками. Молодые люди въ цвѣтныхъ рубашкахъ и поясках. Кругомъ русская рѣчь, русскія восклицанія.

Точно старая Луга или Любань или даже подмосковный Клинъ, только въ меньшемъ масштабѣ, съ такой же толпой щебечущихъ дѣвушекъ и молодыхъ кавалеровъ, телеграфистомъ съ мечтательными глазами и хроническимъ флюсомъ, съ бойкой буфетчицей и прочей станціонной аристократіей... Съ точно такими же купами лиловой сирени... Съ такой же широкой добродушной луной...

Русскимъ духомъ несетъ неудержимо.

И то сказать, всего десять верстъ до границы, откуда уже сверкнули два огненныхъ глаза.

— Осторожнѣе, господа! — кричитъ зеленое кепи. На платформѣ выростаетъ рослый «узраугсъ», въ хаки, въ кожаныхъ крагахъ, съ пистолетомъ на поясѣ.

На минуту поѣздъ пріостанавливается и ползетъ дальше.

Сирени и липы, буфетчица съ прической а-ля-гарсонъ, зеленое кепи, галстуки бантикомъ и такія же губки, локончики, рубашки, разноцвѣтныя ленточки, вся веселая люцинская толпа, медленно проплываетъ передъ глазами...

Наши кентавры.

Рига — удивительный городъ.

Столица міровыхъ бѣгуновъ, не только злостныхъ, валютныхъ, но и чисто спортивныхъ, городъ первоклассныхъ борцовъ, зубодробительныхъ мастеровъ бокса и футбола, спеціалистовъ ракетки, пингъ-понга, рекордсменовъ въ области конькобѣжнаго, лыжнаго, велисипеднаго, автомобильнаго и прочаго спорта — Рига удѣляетъ мало вниманія благородному конскому дѣлу.

Это крупный пробѣлъ.

Было время, когда съ открытіемъ ипподрома, этотъ пробѣлъ, какъ будто, готовился быть заполненнымъ.

Но... «исчезли прекрасные дни Аранжуэца»!

Тотошку прихлопнули. Ипподромъ закрыли. И широкая публика отнеслась къ этому событію безразлично. А спиртопромышленники изъ «Ипподрома» заявляли даже публично:

— Прихлопнули и отлично!.. Самимъ дороже стоитъ!.. Вмѣсто спорта примемся снова за спиртъ!

Протестовали только тотошники. Къ сожалѣнію, безъ всякаго результата. Интересъ къ лошадкамъ увялъ.

Государственное значеніе конскаго спорта общеизвѣстно.

На западѣ это оцѣнено.

Во всѣхъ европейскихъ столицахъ имѣются многочисленные кружки любителей, татерсали, манежи. Имѣются богатѣйшія конюшни съ высококровнымъ, породистымъ матеріаломъ. Устраиваются пышныя состязанія — конкуры, скачки, стипль-чезы. Государство посылаетъ своихъ представителей въ далекія страны оспаривать призъ. И, какъ извѣстно, совсѣмъ недавно, поляки вышли въ Америкѣ на первое мѣсто.

Это слава, это тріумфъ!

Это то, что въ свое время сдѣлалъ бѣгунъ Нурми для финновъ и чего не могъ сдѣлать ни одинъ дипломатъ.

Возьмите Булонскій лѣсъ, дорожки берлинскаго Тиргартена, Уяздовскую Аллею или Лазенки польской красавицы на берегахъ Вислы?

Круглый годъ дорожки полны амазонокъ и всадниковъ, гарцующихъ на породистыхъ скакунахъ. Не только драгунскіе поручики и гусарскіе лейтенанты, но каждый уважающій себя панъ, герръ или мосье, въ клѣтчатыхъ бриджахъ, въ модномъ котелкѣ или даже въ цилиндрѣ, каждая стильная миссъ, фрейлейнъ и мадмуазель, считаютъ

своею обязанностью провести, передъ завтракомъ, часъ-другой на верховой прогулкѣ.

Это не только признакъ хорошаго тона.

Это — потребность, это — здоровое развлеченіе, одинаково полезное для духа и тѣла.

Вообразите амазонку на бульварѣ Свободы?

Вся Рига сбѣжалась бы на это необыкновенное зрѣлище. А пѣтухъ на киркѣ Петра, несомнѣнно, захлопалъ бы отъ изумленія крыльями и закричалъ:

— Кукареку!

Принцъ Уэльскій, наслѣдникъ англійской короны, завидный женихъ многихъ принцессъ, является, какъ извѣстно, страстнымъ поклонникомъ конскаго спорта, предпочитающимъ кровнаго ирландскаго гунтера всякой невѣстѣ.

Муссолини, отецъ фашизма, творецъ современной Италіи, удѣляетъ вниманіе конскому спорту. Каждый день, оторвавшись отъ высокихъ государственныхъ проблемъ и обязанностей, великій «дуче» галопируетъ на конѣ.

Да и много другихъ — великіе и малые міра сего, молодые и старые, аристократы и демократы, мужчины и женщины, политики, артисты, поэты и депутаты — подаютъ наглядный примѣръ, достойный должнаго подражанія, запечатлѣнный въ латинской цитатѣ:

— Mens sana in corpore sano!..

Вообразите поэта Райниса, или нашего ученаго экономиста. или депутата Шполянскаго, верхомъ на кровномъ мустангѣ?

Это невообразимо.

Впрочемъ, знаменитый поэтъ, занятый политикой и соціализмомъ все же, время отъ времени, успѣшно галопируетъ на Пегасѣ.

Но ученаго экономиста и депутата трудно себѣ представить даже на пони...

Однако, существуетъ въ Ригѣ крошечная группа людей, преданныхъ, не взирая на всѣ преграды, конскому дѣлу.

Это — члены клуба «Ятнеку Институтсъ»

Въ концѣ улицы Кришьяна Барона помѣщается зданіе манежа. Манежъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. Одинъ уголокъ занятъ помѣщеніемъ клуба, другой — конюшней. А по длинному борту тянется высокая галлерея съ ложами и трибунами.

Смѣна изъ пятнадцати человѣкъ, одинъ за другимъ, на строгой дистанціи, вытягивается въ манежѣ. Кавалеры и амазонки, въ элегантномъ мужскомъ костюмѣ, на собственныхъ лошадяхъ.

По командѣ, смѣна начинаетъ ѣзду рысью, дѣлаетъ вольты и полувольты, смыкается, размыкается, переходитъ въ галопъ. Чувствующіе себя увѣренно въ сѣдлѣ, берутъ, въ заключеніе, рядъ препятствій.

Затѣмъ слѣдуетъ джентльменская кадриль изъ четырехъ паръ. Общее вниманіе

устремлено на дѣвушку, со стройной фигуркой, съ миловидною внѣшностью.

Это —наша спортсменка, извѣстный чемпіонъ —яункундзе Лѣпинь.

А вотъ, нашъ не менѣе извѣстный присяжный повѣренный, мужчина въ сто двадцать кило чистаго вѣса, въ стильныхъ чакчирахъ, на своей рыжей красавицѣ «Олли».

Кто бы подумалъ, что подъ адвокатскимъ таларомъ жреца Фемиды можетъ биться такое кавалерійское сердце?

Въ общемъ, очень эффектная карусель, напоминающая, въ миніатюрѣ, великосвѣтскія состязанія въ Михайловскомъ манежѣ стараго Петербурга.

А публика?

Есть и публика. Мужчины и дамы, приглашенные гости, десятокъ хорошенькихъ барышень и молодыхъ людей.

А музыка?

Есть и музыка. Замѣняющій военный оркестръ грамофонъ, играетъ польки и вальсы.

Охотничья ѣзда, другими словами, парфорсная охота, является гвоздемъ коннаго праздника.

Манежъ убирается елками, заваливается изгородями, плетнями. Недостаетъ только канавы, хорошей двухсаженной канавы, чтобы создать иллюзію настоящаго полевого пейзажа.

Одинъ за другимъ, по звонку, принявъ во вниманіе норму во времени, участники

рѣзвѣйшимъ пейсомъ носятся по манежу, предолѣваютъ пятьсотъ метровъ дистанціи, ударомъ конской ноги сбиваютъ выросшій лѣсъ, берутъ полнымъ ходомъ плетни и заборы.

Подъ грохотъ рукоплесканій, первый призъ присуждается граціозной Зинаидѣ Лѣпинь.

Яункундзе Лѣпинь— «королева» коннаго праздника...

Директоръ спортивнаго клуба потираетъ ладони:

— Ну, какъ вамъ понравился праздникъ?.. «Девиза» скоро будетъ мамашей.. Она подаритъ мнѣ маленькаго тракена... А теперь, пойдемте пить чай!

Въ клубѣ смѣхъ, оживленныя восклицанія, румяныя щечки спортсменокъ. Конскій спортъ пускаетъ скромные зелененькіе ростки...

Фейманы.

Не многимъ извѣстно, что на перегонѣ между станціями Антонополь—Рушоны, возлѣ самой желѣзной дороги, лежитъ удивительная по своему мѣсторасположенію усадьба — съ барскимъ домомъ, съ вѣковымъ паркомъ, съ фейманскимъ озеромъ, разстилающимся у подножія сада.

Когда-то, во времена Ягеллоновъ, на этомъ мѣстѣ стоялъ рыцарскій замокъ.

Отъ замка ничего не осталось, за исключеніемъ исполинскихъ каменныхъ кладокъ и кирпичныхъ столбовъ. Да подъ крапивой и чертополохомъ можно различить слѣды бастіоновъ, куртинъ и прочихъ фортификацій.

По преданію, въ подвалахъ стараго замка хранятся фантастическія сокровища — золотые дукаты на баснословную сумму. Не разъ и не два, въ поискахъ схороненнаго клада, рыцарскіе подвалы разбирались по камню. Но кромѣ человѣческихъ череповъ и скелетовъ, ничего не извлечено.

Усадьба имѣла многихъ хозяевъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ, во времена крѣпостничества, усадьба перешла во владѣніе нѣкоего полковника, выстроившаго по собственному плану и вкусу огромный деревянный палацъ.

Нельзя сказать, чтобы старый полковникъ обладалъ отмѣнно развитымъ вкусомъ, на подобіе кавалера Гваренги или графа Варфоломея Растрелли. Палацъ неуклюжъ и громоздокъ, стиль его дикъ и безграмотенъ. Но матеріалъ, употребленный архитекторомъ на постройку, поражаетъ доброкачественностью и солидностью. Сейчасъ такъ не строятъ.

Въ настоящее время усадьба находится во владѣніи законныхъ наслѣдниковъ. Но отъ былой роскоши, подобно тому, какъ отъ стараго феймanскаго замка, остались только воспоминанія...

Эти воспоминанія охватываютъ при одномъ взглядѣ на старый палацъ, построенный съ расточительной щедростью, обслуживавшійся, надо думать, цѣлымъ полкомъ лакеевъ и казачковъ, дворовыхъ дѣвокъ и прочаго служилаго люда, отапливавшійся въ зимнія стужи цѣлыми десятинами сосновыхъ и березовыхъ дровъ.

— Иллюзорно! — скажете вы, какъ говоритъ молодой владѣлецъ усадьбы — маслодѣлъ и философъ, скептикъ и химикъ, яхтменъ, цвѣтоводъ и герой добровольче-

скаго похода, словомъ, личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательная.

Пусть иллюзорно, но мысль не можетъ отдѣлаться отъ сознанія, что старый фейманскій палацъ приспособленъ для иной, не чета нынѣшней, широкой, привольной жизни, совершенно не соотвѣтствующей пятидесяти гектарамъ пространства.

Тѣ же мысли приходятъ въ голову на прогулкахъ по тѣнистому парку, по его уединеннымъ, защищеннымъ отъ солнечнаго зноя аллеямъ, въ листвѣ которыхъ порхаютъ дрозды, стрекочатъ сороки и сивоворонки.

Ели и сосны, клены и вѣковые дубы, амбары, конюшни и усадебныя постройки изъ дикаго камня — все разсчитано на широкій масштабъ...

Однимъ изъ украшеній усадьбы является озеро.

Напоминая гигантскій, растянутый въ длину ковшъ, озеро примыкаетъ къ самому саду. На обрывѣ стоитъ — «Скамейка влюбленныхъ». Съ этой, не безъ умысла избранной точки, открывается изумительный, по красотѣ видъ. Въ особенности, въ предзакатный вечерній часъ, когда угасающее свѣтило скрывается за горизонтъ и прощальные поцѣлуи золотятъ такую же тихую, спокойную воду.

Противоположный берегъ утопаетъ въ сизомъ туманѣ. Чуть колышется зеленый аиръ, въ которомъ кричатъ молодые чирята. Ясный мѣсяцъ, на подобіе опрокинутаго челна, глядитъ изъ темной воды.

„День погасъ, день печальный погасъ,
Льется ночи дыханье тревожное,
Въ этотъ тихій задумчивый часъ
Вновь овѣяло насъ невозможное..."

Чѣмъ занято фейманское общество?

На это можно отвѣтить опредѣленно. Прогулки, прогулки и еще разъ прогулки.

Прогулки до обѣда и послѣ обѣда. Прогулки днемъ, послѣ кофе съ фейманскими сливками, и прогулки вечеромъ, послѣ фейманскаго пятичасоваго чая. Прогулки по лѣсу, по полямъ, по живописнымъ фейманскимъ окрестностямъ. Прогулки по «Прельскому» авеню, по шоссе, по озеру на парусной лодкѣ. Наконецъ, прогулки на полустанокъ, для встрѣчи вечерняго поѣзда.

Прогулками занятъ весь день, если не считать тѣхъ часовъ, которые любители-рыболовы, съ патентованною удою въ рукѣ, просиживаютъ надъ озеромъ, въ заповѣдныхъ, лишь имъ однимъ извѣстныхъ мѣстахъ.

Въ этомъ трогательномъ занятіи есть доля своеобразной поэзіи, только поэзіи, ибо матеріальная сторона вопроса не существуетъ.

Когда-то фейманское озеро славилось своимъ рыбнымъ богатствомъ. Полупудовыя щуки, пятифунтовые лещи, судаки и язи, налимы и окуни являлись обычнымъ уловомъ. Теперь этого нѣтъ. Война и шквалъ революціи отразились на рыбномъ богатствѣ. Въ теченіе ряда лѣтъ, озеро находилось въ по-

лосѣ гражданской борьбы. За озеромъ не слѣдили, на озерѣ не прорубали отверстій въ зимнее время — и рыбная сокровищница изсякла.

И просидѣвъ надъ озеромъ часъ, два и больше, въ лучшемъ случаѣ, можно зацѣпить на крючокъ злосчастнаго пискаря или собственную манишку.

Нѣтъ, не рыбная ловля, а прогулка по сосновому бору, съ ароматомъ смолъ, вереска, богуна, съ гигантскими папоротниками, съ земляникой, черникой и долбящими дятлами, прогулка по шпаламъ и встрѣча вечерняго поѣзда — составляетъ основное занятіе феймансКихъ бездѣльниковъ обоего пола...

„Гдѣ слогъ найду, чтобъ описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку,
И вишенъ спѣлыхъ сладостный агатъ?"...

Было время, когда двойная широкая магистраль, именуемая петербурго-варшавской желѣзной дорогой, прорѣзала усадьбу Феймaны.

Почтовые и пассажирскіе поѣзда, нордъ-экспрессы и поѣзда-молніи, съ вагонами международнаго общества, на подобіе феерическаго видѣнія, проносились и мелькали передъ усадьбой.

Печальный жребій событій отразился и на желѣзнодорожномъ сообщеніи. Интенсивность движенія прекратилась. Жизнь замерла. Пара поѣздовъ незначительнаго состава да товарный «максимъ» — это все, что осталось на магистрали, соединявшей двѣ первоклассныхъ столицы...

Желѣзнодорожная колея, хотя бы и ординарная, проходящая подлѣ усадьбы, является объектомъ должнаго интереса.

— Иллюзорно! – скажете вы и на этотъ разъ.

Пусть иллюзорно, но я склоненъ предполагать, что и молодая дачница, Анна Михайловна, стоящая возлѣ меня въ пластической позѣ, съ букетомъ свѣжихъ васильковъ и ромашки, и пріѣзжая горожанка, Елена Александровна, удерживающая на цѣпи своего несравненнаго «Бонзо», въ моей точкѣ зрѣнія мнѣ не откажутъ.

Есть, въ самомъ дѣлѣ, что-то заманчиво-привлекающее въ этомъ стальномъ ожерельи, опоясывающемъ зеленую грудь овсяныхъ полей, возвышающемся среди болотистыхъ луговинъ, уходящемъ въ неизвѣстность далекаго бора.

Есть своеобразная прелесть въ станціонной толпѣ, въ пестромъ говорѣ на русскомъ, польскомъ, латгальскомъ нарѣчіи, въ улыбкахъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ воздушныхъ одеждахъ, въ отдаленномъ стукѣ колесъ и дымкѣ паровоза, неожиданно вынырнувшаго на поворотѣ.

Полустанокъ, утонувшій въ изумрудахъ полей, напитанный ароматомъ луговыхъ цвѣтовъ и полыни, на мгновеніе оживаетъ.

Раздается звонокъ.

Звучатъ прощальныя восклицанія.

И въ раскрытомъ окнѣ мелькаютъ молодыя женскія лица, букетъ васильковъ и ромашекъ, вѣковой паркъ, синь феймантскаго озера и старый феймантскій палацъ...

Бенгальскіе тигры.

Медрано и Гагенбекъ!

Это звучитъ если не гордо, то во всякомъ случаѣ радостно. По крайней мѣрѣ, для части населенія нашей столицы это почти событіе. Для тѣхъ, кто истосковался по цирку, кого мучитъ цирковый голодъ, кто, увы, еще сравнительно такъ недавно, ломился въ гостепріимныя двери зданія на улицѣ Меркеля.

Медрано и Гагенбекъ—шапито.

Это особый циркъ, лѣтній циркъ или «шатеръ», въ который можетъ помѣститься, однако, не одна тысяча человѣкъ разнообразной комплекціи. Раскинулся онъ за рѣкой, возлѣ набережной, на томъ участкѣ рижскаго грунта, который находится между понтоннымъ и желѣзнодорожнымъ мостами. Словомъ, рукой подать, а гагенсбергцамъ особенно повезло.

Участокъ этотъ, достаточно оживленный въ обычное время, сейчасъ представляетъ необыкновенное зрѣлище.

Въ большемъ количествѣ, противъ обыч-

наго, проносятся нарядные легковые автомобили, тяжелые грузовики съ пескомъ и опилками, велосипеды всѣхъ марокъ, мѣстныхъ и заграничныхъ. Усаженный тополями откосъ, усѣянъ глазѣющій безработною и просто любопытною публикой. Но самое интересное—цѣлое море кепокъ, платочковъ и шляпъ—наблюдается на песчаной площадкѣ, на которой стоитъ загадочный желтый вагонъ.

Циркъ только что прибылъ и сразу приступилъ къ первоначальной работѣ. Роются огромныя ямы для установки четырехъ мачтъ. Площадка засыпается грантомъ, глиной, опилками. Прибываетъ вагонъ съ реквизитомъ. То тамъ, то здѣсь мелькаютъ незнакомыя лица и фигуры артистовъ—гимнастовъ, наѣздницъ, мастеровъ «воздушнаго акта и грандіозныхъ сенсацій». Директоръ-администраторъ, Рубини, энергичнымъ голосомъ, вмѣстѣ съ помощниками, отдаетъ приказанія.

Работа кипитъ.

Новое оживленіе, толпа настораживается и пытливо смотритъ, какъ новый вагонъ, запряженный парой рослыхъ тяжеловозовъ, медленно ползетъ навстрѣчу.

Дикій ревъ потрясаетъ задвинскую набережную. Лошади шарахаются, пятятся, отказываются продолжать путь. Тогда двое парней усаживаются на нихъ верхомъ, понукаютъ плетью и голосомъ.

Въ вагонѣ прорѣзаны щелочки. Можно приложиться глазкомъ и—здравствуйте, пожалуйста!—восемь тигровъ, настоящихъ бен-

тальскихъ тигровъ, лежатъ на соломѣ и смотрятъ на васъ въ упоръ, съ недовѣріемъ, мрачно, недружелюбно.

Кромѣ бенгальскихъ тигровъ, имѣется еще восемь берберійскихъ львовъ, «во всей своей одичалости», какъ гласитъ цирковая афиша, есть индійскій кабанъ, шесть морскихъ львовъ, гиббоны, шимпанзе, «очковая змѣя-удавъ», свора собакъ, двадцать шесть лошадей чистокровной породы и, наконецъ, слониха Баби.

Незримо падаетъ вечеръ, и шелковой скатертью стелется къ морю величавое двинское лоно.

Уже отъ понтоннаго моста виденъ сверкающій огненнымъ окомъ шатеръ. У билетной кассы не протолкаться. На помощь бѣлокурой кассиршѣ мобилизованы резервныя силы. Публика напираетъ, и бравые картибнѣки принуждены принять участіе въ контръ-атакѣ.

Ауспиціи, если можно такъ выразиться, благопріятны. Недаромъ, потягивая гамбургскій кнастеръ, директоръ-распорядитель, съ улыбкой, потираетъ ладони и многоопытнымъ взоромъ окидываетъ штурмующую толпу.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно отдать справедливость, на этотъ разъ, рижская публика щедро тряхнула мошной. Циркъ полонъ, какъ въ лучшіе дни международнаго чемпіоната, ранней весной, въ каменномъ зданіи Саломонскаго...

Вотъ вспыхнули лампіоны, техническій персоналъ—честь честью, красное съ золотомъ, какъ у стараго Чинизелли—выстроился шеренгой у противоположнаго входа, а маэстро, на досчатомъ балконѣ, взмахнулъ жиденькими кудрями и волшебною палочкой.

И бѣлокурое существо, бойкая маргаритка въ газовой юбочкѣ, открываетъ программу неизмѣннымъ, какъ традиція цирка, волтижемъ. Бѣлый конь и порхающая наѣздница—это прологъ, за которымъ слѣдуетъ развитіе дѣйствія. Невелика, въ самомъ дѣлѣ, бѣда, что доблестный россинантъ, наскучивъ галопировать по аренѣ, увозитъ бойкую маргаритку въ буфетъ, къ стойкѣ съ ливерной колбасой и сухими напитками.

На смѣну появляются клоуны, съ звонкими оплеухами и «фликъ-фляками», прекрасная миссъ Розита и двое Бреттини—эквилибристы высшаго ранга.

Вотъ мистеръ Бремеръ, въ высшей школѣ ѣзды, на сѣромъ нарядномъ конѣ, повинующемуся каждому указанію всадника, подъ звуки оркестра, вытанцовающему сложные па, отъ чарльстона до шимми, демонстрирующему, съ большою отчетливостью движеній, испанскій шагъ и курбеты, лансады, глиссады, капріоли и піаффе, галопъ терръ-а-терръ и другое.

Лошадь — украшеніе цирка.

И сознаніе невольно возвращается къ Прѣде, къ его сѣрымъ арабамъ, къ его воронымъ и рыжимъ красавцамъ.

Каково имъ теперь, бѣднягамъ, въ Мо-

сквѣ, при склокѣ Цика и Вцика?.. При увязкѣ Соловковъ съ оппозиціей?.. При ставкѣ на комбѣда и середняка?.. А, самое главное, при сокращеніи посѣвнаго клина?..

Что такое — Каросъ?

Это — колдунъ, исключительный магъ и волшебникъ, молодой человѣкъ съ профилемъ и манерами дипломата.

Только два слова:

— Чento-маченто!

Рекомендуемъ запомнить эти слова:

— Чento-маченто!

И обыкновенная рижская вода, съ вибріонами и бациллами, превращается, по желанію публики, въ пиво и померанцовку, рейнвейнъ и опорто, въ бургундское, мутонъ-ротшильдъ, мозельвейнъ, хересъ, токай, дреймадеру и абрикотинъ, въ редерeръ высшаго качества и аристократическій финь-шампань

Публика — скептикъ. Публика недовѣрчиво пригубливаетъ подносимые магомъ напитки. Пригубливаетъ, со смакомъ облизывается и смѣется.

— Чento-маченто!

Только два слова. Это-ли не чудо и не подарокъ къ рождественскимъ сняткамъ, при наличіи полусухого режима?..

А вотъ, старый гамбургскій знакомый, капитанъ Нансенъ, съ изумительной труппой морскихъ львовъ, жонглирующихъ мячами, какъ настоящій профессіональный жонглеръ. Зрѣлище подкупаетъ необычайною виртуозностью. Можно подивиться смышлености

милыхъ животныхъ, сознательно, съ увлеченіемъ и азартомъ, предающихся невинной игрѣ. Съ подобнымъ же увлеченіемъ, издавая забавное хрюканье, труппа глотаетъ бросаемую имъ, въ видѣ вполнѣ заслуженной награды, рыбешку.

Въ заключеніе, нѣчто слегка экзотическое.

Кто не слыхалъ про миссъ Окабе, пусть знаетъ что это — чемпіонъ міра.

Точно такой чемпіонъ, какъ Тенней, какъ Боротра или Лакостъ, какъ Александръ Алехинъ. У одного — кулаки, у другого — ракетка, у третьяго — гамбитъ коня.

У миссъ Окабе — граціозные женскіе пальчики.

Національность миссъ Окабе не поддается опредѣленію. Это смѣсь азіатскаго съ европейскимъ, въ нѣкоторомъ родѣ — Евразія. Но даровитая и талантливая Евразія, съ привлекательнымъ личикомъ, съ располагающими манерами.

Ея эквилибристика превосходна. Своеобразная женская грація придаетъ искусству особое очарованіе...

Въ антрактѣ, публика высыпаетъ изъ-подъ шатра и направляется къ звѣрямъ.

Подъ широкимъ навѣсомъ стоятъ лошади и пережевываютъ овесъ. Рядомъ — пара шотландскихъ овчарокъ, клѣтка съ десяткомъ кувыркающихся и визжащихъ мартышекъ, волки, индѣйскій кабанъ, огромная туша слонихи Баби.

Напротивъ — вагонъ съ тиграми, съ берберійскими львами. Звѣри лежатъ за рѣшоткой и дремлютъ. Свободолюбивые красавцы пустыни, помнящіе лучшія времена, теперь въ неволѣ, за желѣзнымъ замкомъ.

По нѣкоторой ассоціаціи, мысль переносится въ одинъ городъ, въ мрачное зданіе, въ которомъ, вотъ такъ же, по волѣ злодѣйки-судьбы, влачитъ свои дни злополучный Арманъ Александровичъ. Не будемъ упоминать полностью его имени. Оно многимъ извѣстно, особенно, изъ числа завсегдатаевъ цирка. Превратенъ человѣческій жребій, жестока судьба и есть глубокій смыслъ въ поговоркѣ:

От сумы и тюрьмы не отказывайся!

Но довольно меланхолическихъ размышленій. Взоръ снова упирается въ морщинистую тушу добродушной слонихи. Умнымъ, проницательнымъ окомъ она окидываетъ толпу, тянется хоботомъ за яблоками, пряниками, баранками.

И снова звучитъ звонокъ, раздаются звуки мелодичнаго вальса, тріо Америонисъ дебютируетъ въ «воздушномъ полетѣ смерти и двойномъ сальто-мортале».

Директоръ Медрано выводитъ пятерку рыжихъ коней. Слониха Баби демонстрируетъ грацію и изящество. Потомъ, мадьярская почта на дикихъ мустангахъ, «собачій актъ», подъ наблюденіемъ миссъ Ванды, пластическій номеръ прелестныхъ медраногерлсъ, наконецъ, па дэ-де, на широкомъ

крупѣ кроткаго мерина, въ исполненіи мадемуазель Аранки и Чарли...

И невольно приходятъ на память сестры Зюлейки и мутти Готье. Не Маргарита Готье, героиня чувствительнаго романа, а просто — мутти Готье, обладательница лисьяго боа и караковаго драбанта, предпочитавшая нѣжнымъ камеліямъ стрицкое пиво и пахитосы фабрики Майкапаръ...

Послѣднее отдѣленіе занято звѣриною труппой.

Сначала, берберійскіе львы, подъ руководствомъ мистера Хумса, одѣтаго въ костюмъ ковбоя, съ пистолетами на ремнѣ, съ бичами въ рукахъ. Желтогривые хищники, потрясая циркъ громовымъ рыкомъ, весьма добросовѣстно продѣлываютъ всѣ упражненія.

На смѣну появляются тигры — огромныя полосатыя кошки, злобныя, нервныя, непріязненнымъ взоромъ слѣдящія за движеніями своего укротителя. Зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ, производитъ сильное впечатлѣніе.

Снова взрывы аплодисментовъ.

Гремитъ прощальный маршъ.

Публика покидаетъ ложи, скамьи, трибуны и устремляется къ выходу.

Представленіе кончилось..

Теплая ночь заключаетъ городъ въ объятья. Скоро уснутъ и люди и звѣри. Распластавшись во всѣхъ положеніяхъ, уперевъ могучіе торсы и лапы въ желѣзо, лежатъ неподвижно и дремлютъ бенгальскіе тигры.

И въ сонныхъ мечтахъ представляются имъ, можетъ быть, джунгли далекаго Ганга, гдѣ солнце, гдѣ пальмы, гдѣ лотосъ и орхидеи, гдѣ кричатъ дикія павы и приходятъ на водопой антилопы, гдѣ, въ бамбуковой чащѣ, сверкаетъ и лепечетъ тихую сказку ручей...

Фелиціаново.

Накануне орали горластые петухи, а воробьи купались въ песке, предвещая ливень и непогодь.

Незаметно протекла ночь и, вместе съ нею, полтораста верстъ рельсоваго пути. Люцинъ встречаетъ тихимъ пасмурнымъ утромъ. Онъ все тотъ же, безъ измененія, этотъ «городокъ въ табакерке», мирный и соный, съ опухшими веками, съ слезящимися старческими глазами, съ бородавками на лице.

По мере того, какъ бричка вползаетъ на пупъ булыжнаго авеню, во все стороны растекается паутина тихихъ, маленькихъ улочекъ, съ такими же маленькими домишками, серенькими и скучными, какъ пелена бледнаго латгальскаго неба.

А еще дальше, на обрывистой круче, стерегущей Большую Лужу, точно гнилой зубъ, почерневшій отъ времени и болезней, торчитъ старый люцинскій замокъ, не изменившійся ни на іоту съ техъ поръ, когда высокія башни пали подъ ударами москови-

товъ, а разрушенный камень горожане растащили на постройку жилищъ.

Скорѣе за городъ, на просторы живописныхъ окрестностей, дремлющихъ въ сизомъ разсвѣтномъ туманѣ!..

Несносные ливни затопили луга, поля, кочковатыя пожни. Почва раскисла, какъ клюквенное желе. Вмѣсто обычной дороги приходится брать въ объѣздъ.

Влекомая широкою, костистою «Полькой» бричка скачетъ по водопромоинамъ и ухабамъ, мимо зеленѣющихъ яровыхъ и овсовъ, перелѣсковъ и рощицъ, мимо разбросанныхъ тамъ и сямъ владѣній новохозяевъ и хуторянъ.

Съ точки зрѣнія эстетической, чрезвычайно красивы пятна голубенькихъ васильковъ, забившихъ ржаныя поля, желтые букеты сурепицы и ромашки, изумруды сочныхъ луговъ. Въ особенности, когда прорѣзавъ мутную пелену, золотые лучи, побѣдоносно и весело, запорхали по капризному небосклону.

— Не, баринъ, дожжу таперь не бывать! — увѣренно произноситъ Кириллъ, постегивая лѣниво бѣгущую «Польку».

Надъ головой неожиданно заголубѣло. Все загорѣлось теплымъ радостнымъ свѣтомъ. Все оживилось и засверкало.

Кириллъ вступаетъ въ бесѣду. Отъ дождей переходитъ къ политикѣ, отъ политики къ острымъ днямъ минувшей войны, къ революціи, къ великому россійскому черто-

плясу. Многое ему не понятно и на многіе вопросы возница ищетъ отвѣта. Соціализмъ, смычка и плановое хозяйство не укладываются въ его кудлатой, жесткой, незнакомой съ гребнемъ и щеткою головѣ. Однако, о нѣкоторыхъ явленіяхъ современности, Кириллъ имѣетъ свое личное, независимое сужденіе:

— Царей, вотъ, поди-ка, разрыли, а Петра тронуть не смѣли! — произноситъ лукаво Кириллъ, намекая на докатившійся наконецъ и до него слухъ о вскрытіи петропавловскихъ усыпальницъ. — А почему?.. Крѣпкій, дюжій былъ человѣкъ!.. Вотъ почему!.. Но, Полька!—покрикиваетъ Кириллъ на кобылу и дергаетъ веревочною возжой.

Ближе и ближе... Доносится мельничный грохотъ... Въ зелени стараго сада мелькаетъ бѣлый каменный фелиціановскій домъ...

Усадьба, принадлежавшая полвѣка тому назадъ польскому вельможѣ, пану Зарембѣ, перешла въ другія руки. Три тысячи десятинъ государственная граница перерѣзала на двѣ равныя части. Латвійскій аграрный законъ предоставилъ хозяину положенное число гектаровъ, съ центромъ и водяной мельницей —основой нынѣшняго достатка.

А мельница дѣйствительно хороша. При ней лѣсопильный и кожевенный заводъ, шерстобитня, сукновязальня.

А еще лучше — Лжа, маленькая латгальская Ніагара, изрыгающая съ грохотомъ каскады снѣговой пѣны, широко ра-

стекающаяся въ крутыхъ, заросшихъ лознякомъ берегахъ, несущая воды люцинской Лужи въ Чудское озеро.

Не рѣчка, а истинная поэзія!..

А солнце все выше.. Небо все чище... О дождѣ не можетъ быть рѣчи.. Слава Создателю, смѣнившему гнѣвъ на милость, сулящую столь необходимое ведро...

„Петръ и Павелъ
Часъ убавилъ,
А Илья Пророкъ
Два уволокъ!..

Пусть лѣто уже не въ разгарѣ, но золотой шаръ грѣетъ еще горячо. По полямъ, по лугамъ, по картофельнымъ грядкамъ, по плакучимъ ясенямъ и по яблонямъ стараго сада разливаются его нѣжные поцѣлуи, точно желая вознаградить землю за непозволительную холодность весеннихъ ласкъ.

Лжа мирно мчитъ кристальныя струи и подобнымъ же образомъ текутъ дни въ старой усадьбѣ.

Отъ крѣпкаго сна къ прищевымъ наслажденіямъ, отъ прогулокъ къ купанью въ рѣкѣ, къ солнечнымъ ваннамъ, къ хозяйственнымъ обозрѣніямъ — на полѣ, на мельницѣ, на скотномъ дворѣ, на лѣсопильномъ заводѣ. Повсюду движеніе, жизнь...

А въ обѣденный часъ — пріятельская бесѣда, за стаканомъ яблочнаго вина, о погодѣ, объ урожаѣ, о крысиномъ морѣ, о ловлѣ головлей, ельцовъ и о тетеревиной охотѣ, смѣхъ, шутки и анекдоты, вереница

старыхъ воспоминаній, уносящихъ въ далекое, безвозвратно потонувшее прошлое, къ общимъ молодымъ днямъ, проведеннымъ въ «гвардейской школѣ», съ лермонтовскими традиціями, съ славнымъ юнкеромъ Пушкинымъ, съ его несравненнымъ символомъ вѣры:

„Никакихъ языковъ — кромѣ копченыхъ,
Никакихъ тѣлъ — кромѣ женскихъ,
Никакихъ картъ — кромѣ игральныхъ,
Никакихъ исторій — кромѣ скандальныхъ!"

Воспоминанія о былой юности, о дняхъ промелькнувшаго прошлаго, о радостяхъ и надеждахъ, похороненныхъ войною и революціей...

И не вѣрится, что ничего не осталось... Что все разлетѣлось, какъ дымъ въ вѣтренный день... И что всего только въ пяти верстахъ находится злополучный рубежъ, за которымъ живутъ новые люди, въ соціалистическомъ царствѣ, въ фантастическомъ государствѣ...

Тихо катится Лжа и манитъ рѣчное каприччіо... И лежишь на травѣ подъ золотыми лучами... И глядишь въ бездонное небо... И звучатъ, сквозь дремоту, умиротворяющія слова:

„Лѣниво душитъ полдень мглистый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака..."

Эверсмуйжа.

Старая усадьба видѣла на своемъ вѣку многихъ хозяевъ.

Сначала, во времена сравнительно отдаленныя, это былъ люцинскій воевода Карницкій.

Потомъ — помѣщикъ изъ хорошо знакомой въ краѣ фамиліи Розенпільдовъ-Паулинъ.

Примѣрно, въ концѣ прошлаго столѣтія, усадьба перешла въ руки генерала отъ инфантеріи, Ричарда Трояновича фонъ Мевесъ, бывшаго командира лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, въ свое время личности многимъ извѣстной и, съ внѣшней стороны, весьма показной...

Полевая дорожка вьется берегомъ Лжи, поэтично катящей свои кристальныя струи, въ глубокой лощинѣ, среди орѣшника, лозняка, плакучей ивы, ольхи.

Вотъ и Куптики — крошечный выселокъ, примостившійся такъ уютно на опушкѣ сосноваго бора. Двѣ-три избенки, нарядная дачка, огороды съ тыквами, съ табакомъ, съ кругами подсолнуховъ и пятнами алаго мака. Точно кусочекъ Украйны, пересаженый на латгальскій суглинокъ, подъ блѣдное латгальское небо.

Дорога взлѣзаетъ на взгорье, перескакиваетъ ручей, проходитъ овсяными, ржаными полями, и вотъ — уже видѣнъ бѣлый каменный домъ, съ остроконечною вышкою и флагштокомъ.

Это и есть Эверсмуйжа.

„Какъ тихо стало въ природѣ,
Вся зрѣнье она и слухъ...“

Въ самомъ дѣлѣ, вечерѣющій воздухъ наполненъ удивительной тишиной. Не шевельнется ни одинъ колосъ, не задрожитъ зеленый листокъ, не колыхнетъ сонная Лжа.

Все дремлетъ, заснуло, молчитъ.

Ни звука, ни движенія.

И только въ бездонномъ куполѣ неба паритъ, вычерчивая круги, ястребенокъ...

Эверсмуйжа принадлежитъ къ типу усадебъ, въ которыхъ все такъ же было разсчитано когда-то на крупный масштабъ.

Достаточно взглянуть мелькомъ на усадебныя постройки изъ сѣраго дикаго камня, на лабиринтъ скотныхъ дворовъ, конюшенъ, сараевъ, амбаровъ, на старый винокуренный заводъ, отдѣльныя зданія и постройки неизвѣстнаго назначенія, на каменную, уже коегдѣ разрушенную ограду, окаймляющую фруктовый садъ, на запущеный паркъ, наконецъ, на бѣлый палацъ, тяжелый, кряжистый, крѣпкій, съ массивнымъ фронтономъ.

Если заглянуть внутрь, многое изумляетъ въ этой оригинальной архитектурѣ,

начиная отъ невѣроятной толщины стѣнъ, кончая какими-то не совсѣмъ обычными нишами и длиннымъ корридоромъ со сводами. Точно крѣпость далекаго средневѣковья, рыцарская казарма или, можетъ быть, монастырь отцовъ кармелитовъ, какъ вскользь упоминаетъ о томъ молва.

Теперь здѣсь народная школа.

На разсохшемся, потрескавшемся, потемнѣвшемъ паркетѣ, на которомъ когда-то беззвучно скользили черныя тѣни въ монашескихъ одѣяніяхъ, на которомъ впослѣдствіе, подъ звуки клавикордовъ или стариннаго піанино, безпечно вальсировали дѣвичьи ножки въ атласныхъ туфелькахъ, стоятъ теперь скромныя ученическія парты.

Рѣка временъ мѣняетъ свое теченіе. На смѣну минувшей пришла новая жизнь.

Отъ подвала до верхняго этажа выдержанъ одинъ и тотъ же солидный, тяжелый, своеобразный стиль, и всѣ комнаты бѣлаго дома представляются какими-то кельями, созданными для молитвы и сосредоточенныхъ размышленій.

А вотъ и терраса, выходящая въ паркъ, съ заброшеннымъ цвѣтникомъ, въ густой шапкѣ дикой зелени, съ каштанами, липами, вязами, съ столѣтними исполинскими лиственницами, гордо вздымающими къ небу свои кудрявыя кроны.

Вѣетъ свѣжестью, сыростью. Трава, папоротники и мохъ. Огромный камень вытесанъ на подобіе жертвенника, ложа или скамьи. Кому пришла въ голову эта затѣя?. Чьими руками вытесанъ сѣрый гранитъ?..

Кто сидѣлъ на этой гранитной скамьѣ и, вотъ такъ же, какъ я, глядѣлъ на лиловый закатъ, погруженный въ вечернія размышленія?..

А внизу, подъ ногами, въ глубокой лощинѣ, Лжа струитъ сонныя воды и тихо лепечетъ старую латгальскую сказку...

Бѣлый домъ позади.

Широкая березовая аллея ведетъ на большакъ.

Большакъ упирается въ мельницу, пересѣкаетъ рѣку съ обширной запрудой, въ которой полощатся утки, и тянется дальше на сѣверъ, на Опочку, до которой какихъ нибудь пятьдесятъ верстъ, къ Михайловскому, къ Тригорскому, овѣянныхъ воспоминаніями о великомъ поэтѣ.

Совсѣмъ близко, рукой подать!

По лѣвой сторонѣ широкой четырехрядной аллеи, стоитъ усыпальница. За чугунной оградой видна часовня и каменная плита съ крестомъ:

Командиръ 20 корпуса
генералъ
Ричардъ Траяновичъ фонъ Мевесъ.
Скончался въ Ригѣ въ 1901 году.
Миръ его праху!

Уже давно погасъ лиловый закатъ, струится дыханіе ночи и безвесельный челнъ выплываетъ на широкій просторъ.

Оживаютъ воспоминанія.

И когда прячется мѣсяцъ, высокая бѣлая тѣнь, въ золотой гренадеркѣ, появляется на пустынной аллеѣ...

Языкъ ножекъ.

Существуетъ наука, именуемая хирологіей, другими словами—ученіе о рукѣ.

Разъ существуетъ ученіе о рукѣ, почему не можетъ быть ученія о нижней конечности?

Это логично.

Это вытекаетъ одно изъ другого и ясно, какъ кофе.

Такимъ образомъ открыта еще наука.

Я называю ее—хироногіей...

Пройдитесь по бульвару Свободы въ ясные іюльскіе дни, когда уже далеко не весна, но еще какъ бы пахнетъ весной и золото солнца щедро расточаетъ свои поцѣлуи этому роскошному авеню, играетъ веселыми зайчиками на дѣвичьихъ личикахъ, на куполѣ храма, на пижамахъ Морица Фейтельберга.

Это авеню—великолѣпное поле для наблюденій. А солнечный день созданъ спеціально для опытовъ.

Само собой разумѣется, предметомъ изученія является только то, что доступно

невооруженному глазу, что прикрыто тончайшею паутиною шелка, безъ единаго шва, различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ — бежъ, мовъ, кремъ, фрезъ-экразе и мако...

Прежде всего, существуетъ такъ называемый—нормальный типъ.

Это—штампъ, имѣющій наиболѣе широкое распространеніе.

Здѣсь все въ мѣру и все въ пропорціи. Языкъ этого типа не особенно выразителенъ. Это обыкновенный разговорный языкъ, который мы слышимъ повсюду.

Языкъ этихъ ножекъ можно сравнить съ консервативной газетой, уподобить экономическому журналу или, въ лучшемъ случаѣ, бѣлымъ стихамъ.

Прѣсный языкъ, скучный языкъ...

Существуютъ и отклоненія отъ нормальнаго типа.

Есть ножки искривленныя, какъ афганскій клинокъ. Ихъ видъ не вызываетъ эмоцій. Проходите мимо нихъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ибо языкъ ихъ такъ же искривленъ и можетъ доставить, при болѣе близкомъ ознакомленіи, серію нежелательныхъ огорченій. Онъ злопамятенъ, мстителенъ и сварливъ, какъ соціалистическая газета.

Есть ножки культурныя и некультурныя, краснорѣчивыя и ничего не говорящія.

Есть болтливыя и замкнутыя, добродушныя и капризныя, общественныя и располагающія къ интимности.

Есть ножки національныя и междуна-

родныя... Есть ножки просто пріятныя и, наконецъ, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ...

— Топъ-топъ-топъ-топъ!..

Вы остановились и замерли. Но только на одно лишь мгновеніе. Затѣмъ, устремляетесь быстро впередъ. Вашъ глазъ въ восхищеніи.

Передъ вами двѣ изумительныя конечности, затянутыя въ сочный фисташковый шелкъ, правильно закругленныя, съ ласкающими упругостями, въ которыхъ чувствуется гибкость, увѣренность, мощь. Точно два флакона шампанскаго, перевернутыя донышкомъ кверху.

Это — ножки—прима, ножки высокаго качества.

Эти ножки знакомы со спортомъ, съ шимми, съ чарлстономъ, можетъ быть, даже съ искусствомъ—съ шанжеманъ-де-пье, съ балонами, съ элеваціей. Такой ножкой ничего не стоитъ скинуть арабескою котикъ съ головы артиста Ченгери или фетръ у человѣка болѣе крупнаго роста, скажемъ, артиста Унгерна или даже Зацкого.

Такія ножки можно видѣть въ Національной Оперѣ—въ «Лебединомъ Озерѣ», въ «Спящей Красавицѣ», и въ «Раймондѣ»...

— Ченто-маченто! - говорю я.—Мадемуазель, вы уронили платочекъ!

Барышня оборачивается:

— Патейцосъ!.. Данке шенъ!.. Благодарю васъ!.. Но это не мой платочекъ?

— Въ такомъ случаѣ, пардонъ!.. Извиняюсь!

Я приподымаю шляпу и ликую.

Ликую, какъ можетъ ликовать знаменитый астрономъ, отыскавшій, на основаніи математическихъ выкладокъ, новую Вегу...

Мое вниманіе снова привлечено:

— Ципъ-ципъ-ципъ!.. Поди-ка сюда!..

Снова двѣ ножки, въ прелестномъ мако, на высокихъ французскихъ каблучкахъ, бойко семенятъ по асфальту.

Онѣ манятъ къ себѣ, онѣ влекутъ, какъ зерно влечетъ пѣтуха.

И я иду за ними отъ кіоска на бульварѣ Свободы до Эспланады, изучая гармонію очаровательныхъ линій, тоненькій, словно точеный изъ янтаря, перехватъ у щиколки, переходящій въ соблазнительныя упругости.

Словно два влюбленные кипариса, точно двѣ пальмы, съ верхушками, скрытыми въ небѣ. Онѣ зовутъ меня и въ голосѣ звучитъ бетховенская симфонія.

— Поди-ка сюда!.. Поди-ка сюда!—звенитъ несравненная музыка, не имѣющая себѣ подобной.

Это—ножки-греза, ножки-мечта, аристократическія ножки-поэма!

Ихъ языкъ—языкъ высшаго совершенства!

И я снова роняю фуляръ.

Моя теорія торжествуетъ...

Но иногда, я наблюдаю, какъ навстрѣчу шлепаютъ по панели двѣ чугунныя тумбы— ноги носорога или слона.

И я вижу не шелкъ, безъ единаго шва, не бежъ или мовъ, а грубую, сѣрую, какъ осеннія мысли, домотканную шерсть, въ уродливыхъ складкахъ.

Я боюсь до смерти такихъ ногъ.

Это нога квартирной хозяйки, нога тещи, нога лишенная всякой поэзіи.

На мгновенье, я пріостанавливаюсь.

И тотчасъ, изъ предосторожности, перехожу на другую сторону бульвара Свободы...

Вечеръ на Лжѣ.

Гаснутъ краски заката. Медленный вечеръ плыветъ надъ фелиціановской мельницей, надъ сосновыми рощами, надъ овсяными полями.

Дремлютъ яблони стараго сада. Въ цвѣтникѣ догораютъ георгины и пунцовыя астры, а шапочки штокрозъ кажутся золотыми. Тянетъ левкоемъ, резедою, гвоздикой. А на террасѣ, съ книжкой въ рукѣ, сидитъ молодая жена землемѣра. Сидитъ и задумалась, точно принцесса изъ сказки или левитановской акварели.

У ея ногъ, опустивъ голову на переднія лапы, лежитъ старый ирландскій сеттеръ «Каштанъ».

Надъ цвѣтникомъ, словно балерина въ бархатной туникѣ, порхаетъ и кружится махаонъ. Прогудитъ шмель, прозвенитъ, какъ пуля, оса. И снова все погружается въ тишину. Только на мельницѣ, гдѣ днемъ и ночью сверлятъ жернова, слышенъ грохотъ водяного потока.

Вечеръ плыветъ. Незримыя крылья не-

сутъ его надъ усадьбой, въ мягкихъ одеждахъ, съ опахаломъ въ рукѣ.

Бѣлый домъ оживаетъ...

Бывшій сенаторъ и начальникъ трехъ губерній — Петроковской, Тульской и Витебской, любитель стараго вина и молодыхъ женщинъ, выходитъ изъ комнатъ, садится за обѣденный столъ на террасѣ и раскладываетъ пасьянсъ.

«Черный Баринъ» — отставной кавалерійскій полковникъ — въ кожаныхъ помочахъ, съ небритыми щеками и съѣхавшимъ на бокъ галстукомъ, возится на грядкахъ табачной плантаціи.

Хозяинъ — Михаилъ Ивановичъ, кличетъ сына мельника Вильку и, захвативъ англійскую сѣть, пригаетъ со мною въ челнокъ. .

Лжа — невеликая рѣчка, но всякой рыбы въ ней изобиліе.

Михаилъ Ивановичъ — рыболовъ и охотникъ, знаетъ съ дѣтства каждую ямку, знаетъ гдѣ ловятся головли, гдѣ берется щука или елецъ. Знаетъ точно въ какую пору и на какую наживку берутся -- на шитика, на червя, на муху, на курмеля или на лягушенка.

Все знаетъ этотъ удивительный человѣкъ, всѣ тайны водъ и лѣсовъ, всѣ загадки природы. Недаромъ, съ юныхъ лѣтъ живетъ «на землѣ».

Съ одинаковымъ увлеченіемъ разсказываетъ о повадкахъ лисы или волка, о во-

дяномъ комарѣ, о деревьяхъ — «угнетателяхъ и «угнетаемыхъ», о великихъ ассенизаторахъ — щукѣ, ястребѣ и воронѣ.

Михаилъ Ивановичъ — живая лѣтопись. Никто лучше его не знаетъ округу на сто верстъ кругомъ. Все изъѣзжено, все исхожено — въ телѣжкѣ или въ автомобилѣ, верхомъ или просто, на своихъ на двоихъ, съ двустволкой въ рукѣ.

Всѣ имѣнія и усадьбы ему знакомы. О каждой изъ нихъ передаетъ много различныхъ исторій.

О Слободинцѣ, бывшей охотничьей дачѣ князей Огинскихъ, съ извѣстнымъ въ свое время «Звѣринцемъ», объ Освеяхъ, знаменитомъ помѣстьи Шадурскихъ, въ замкѣ котораго имѣлось свыше ста комнатъ, а кругъ и цвѣтникъ передъ замкомъ равнялись протяженіемъ одной верстѣ.

О Бѣшенковичахъ, принадлежавшихъ графамъ Хребтовичамъ-Бутеневымъ, съ обширнымъ прудомъ, въ которомъ, точно крейсерскія эскадры, плавали лебединыя стаи. Во дворцѣ была комната, въ которой ночевалъ Наполеонъ. Въ саду, на мѣстѣ обѣденной трапезы, стоялъ памятникъ императору Александру I.

Тутъ же — Бачейково, съ великолѣпнымъ замкомъ и паркомъ, съ величественными аллеями, созданными руками крѣпостныхъ лепельскаго маршалка Цѣхановецкаго.

Въ другомъ углу расположено Болово — имѣніе князя Щербатова, Шкильбаны — бывшаго петербургскаго предводителя дво-

рянства Зиновьева, Маріенгаузенъ съ 44 тысячами десятинъ, графовъ Забѣлло, Прели — Гулькевича, Варкляны — князя Сапѣги, Ликсно съ Погулянкою — графа Платера, Малново — лейбъ-гусарскаго полковника Свѣчина, Посинье — князей Оболенскихъ.

Наконецъ — Иваново, невельскаго уѣзда, съ прахомъ лифляндскаго дворянина, бѣлорусскаго военнаго губернатора, генерала отъ кавалеріи и кавалера святого ордена Андрея Первозваннаго, Ивана Ивановича Михельсона, усмирителя пугачовскаго бунта. Ильзенбергъ,с ъ храмомъ и гробницей люцинскаго уроженца, знаменитаго «авангардная генерала», героя отечественной войны, шефа лейбъ-гвардіи Гродненскаго и Клястицкаго гусарскихъ полковъ — Якова Петровича Кульнева..

Лодка медленно скользитъ по рѣкѣ.

Михаилъ Ивановичъ, съ папиросой въ зубахъ, стоитъ на носу и спускаетъ сѣть въ воду. Его англійская сѣть — особая, трехрядная сѣть, съ ячейками разныхъ размѣровъ. Рыба, едва ткнувшись въ сѣть, путается въ ячейкахъ, какъ въ проволочномъ загражденіи.

Закинувъ сѣть, Михаилъ Ивановичъ вооружается длиннымъ шестомъ, «болтушкой» подаетъ Вилькѣ команду, колотитъ шестомъ по водѣ. Каждая тоня приноситъ добычу. Сѣть еще далеко не выбрана изъ воды, но рыба въ ней уже бьется.

— Ага! — кричитъ Михаилъ Ивановичъ,

подтягивая сѣть на носъ и вытаскивая лежащую неподвижно, точно кирпичъ, пятифунтовую щуку.

Низко склонились къ водѣ вѣтви ольшинника и плакучей ивы. Солнце тонетъ за высокимъ откосомъ. Ложится сумракъ, загадочный, волокнистый. Словно чеканный червонецъ, выплываетъ луна...

Еще нѣсколько тоней — и ловля закончена.

На днѣ лодки прыгаетъ и полощется до полусотни язей, головлей и ельцовъ, разная мелочь — плотва, окуньки, красноперы.

Темно. Низко склонились кусты. Вода черна, какъ чернила На мосту бѣлѣетъ фигура молодой жены землемѣра. Виляя хвостомъ, стоитъ подлѣ «Каштанъ».

Давно минуло его время. «Каштанъ» потерялъ вовсе чутье, отяжелѣлъ, цѣлыми днями лежитъ и ловитъ мухъ на террасѣ. Можно обойтись безъ него. Снять съ гвоздя англійскій «Скоттъ» и стукнуть парочку кряковыхъ на перелетѣ...

За ужиномъ, снова бесѣды, воспоминанія. А потомъ — винтъ, съ присыпкой, съ гвоздемъ, съ горячими спорами. Михаилъ Ивановичъ играетъ спокойно и дѣловито. «Черный Баринъ», въ съѣхавшемъ галстукѣ, при каждом ходѣ, волнуется, вскакиваетъ дергается, какъ на пружинѣ.

— Пикиндрясы!

— Трефишки!..

— Бубенцы!..

— Червоточина!..

— Пять въ бубнахъ! — объявляетъ быв-

шій сенаторъ и начальникъ губерній — Петроковской, Тульской и Витебской, покупаетъ туза и остается безъ трехъ на маленькомъ шлемѣ.

А внизу, мѣрнымъ рокотомъ доносится стукъ водяной мельницы. Гремятъ станки, гудятъ жернова, грохочутъ водяные каскады. Только Лжа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ склонились плакучія ивы, баюкаетъ молодой мѣсяцъ и словно застыла въ оцѣпенѣніи.

„Нѣтъ, не пріемлю, вѣкъ желѣзный,
Твое бряцанье, бѣгъ шальной,
Твой лязгъ и грохотъ безполезный
Надъ потревоженной землей.

Съ какой бы нѣгой самый жесткій
И современный человѣкъ
Вернулся въ медленный, громоздкій,
Въ тотъ неоформившійся вѣкъ.

Когда въ альбомъ писали стансы,
Пронзали шпагой забіякъ,
Кряхтя, садились въ дилижансы
И страшный нюхали табакъ..

Когда въ корсетъ внѣдрялись бюсты,
Какъ фоліанты въ переплетъ,
Когда на грядкахъ, изъ капусты,
Рождались дѣти, безъ хлопотъ...

Когда по улицамъ бродили
Свиней счастливыя стада,
Когда мы полной жизнью жили
И не спѣшили никуда!“

Цибла.

Обычная латгальская дорога, невылазная въ распутицу, подымается кверху, опускается внизъ, неожиданными зигзагами, точно запутанный шнуръ, вьется между хлѣбныхъ полей, перелѣсковъ и нивъ, съ кое-гдѣ раскинутыми усадьбами хуторянъ.

Гнѣдая кобыла польскихъ кровей лѣниво перебираетъ ногами, потрухиваетъ мелкой рысцой.

— Вье, Полька, вье!

На мгновенье мелькаетъ эверсмуйжская мыза съ бѣлымъ каменнымъ домомъ, съ вышкой, съ флагштокомъ, и снова — зеленыя пожни, ржаныя поля, полосы ячменя, льна, пшеницы.

Обычный латгальскій ландшафтъ, со всѣми знакомыми красками, тонами и полутонами, щедро дополненными синими пятнами васильковъ и моремъ желтой сурепицы.

— Трюхъ-трюхъ-трюхъ! — кобыла перебираетъ ногами, перекатывается съ горки на горку, незамѣтно съѣдаетъ одну версту

за другой. Мало по малу, дорога взбирается на холмистое взгорье, переходящее въ гористый хребетъ.

Цибла—лѣсное урочище, которое можно видѣть издали, за нѣсколько верстъ, дикое, непролазное, со стариннымъ екатерининскимъ трактомъ, съ огромными вѣковыми соснами, взиравшими нѣкогда, безъ сомнѣнія, на передвиженія наполеоновскихъ войскъ.

Могучіе исполины невольно привлекаютъ вниманіе. Такой лѣсъ встрѣчается рѣдко. Подобныя сосны я видѣлъ когда-то на берегу Чудского озера, возлѣ «Елизарьевскаго монастыря».

Цибла хранитъ въ своихъ нѣдрахъ слѣды и другой, еще болѣе отдаленной эпохи. По обѣ стороны тракта, сквозь густую зелень листвы, въ глубинѣ чащи, кое-гдѣ мелькаютъ курганы. Одни изъ нихъ полуразрыты, другіе ожидаютъ изслѣдователей или любителей таинственныхъ кладовъ. Это могильники ливовъ, древнихъ обитателей края.

Старая екатерининская дорога оживлена въ незначительной степени. Изрѣдка проползетъ настрѣчу телѣга. Попадется парень или свѣтловолосая дѣвушка. Еще крѣпокъ старый патріархальный укладъ. Крестьяне ломаютъ шапку, встрѣчаютъ неизмѣннымъ привѣтствіемъ:

— Здравствуй, баринъ!

Сравнительно еще недавно, въ Циблѣ водилась крупная птица и звѣрь—козы, лоси, волки, даже медвѣди. Но разрѣдили лѣсъ, подошли вплотную къ нему поля и звѣри подались куда-то на сѣверъ. Осталась лишь птица—глухари, тетерева, рябчики, вальдшнепы.

Тяга здѣсь превосходная.

Куріановскій фольваркъ расположенъ на берегу большого рыбнаго озера. Въ смыслѣ богатства, оно, можетъ быть, уступаетъ Люцинской Лужѣ, въ которой, три года тому назадъ, удалось за одну тоню, зимой, вытащить около тысячи пудовъ леща.

Когда-то, въ отдаленныя времена, здѣсь была помѣщичья усадьба. Теперь ничего не осталось, если не считать кое-какихъ деревянныхъ построекъ, стариннаго парка, съ разрушенною часовней, съ дубами въ четыре обхвата—древними исполинами, чудо-богатырями, вспоминающими походы московскихъ дружинъ.

Паркъ запущенъ, заглохъ. Дорожки, точно ковромъ, заросли крапивой и сорными травами. Кое-гдѣ грустно выглядываютъ изъ травы исковерканныя руины, обросшій мохомъ кирпичъ, кучи щебня и дикаго камня. Свѣжая зеленая поросль укроетъ все навсегда..

Если выйти изъ парка и взглянуть на востокъ, передъ взорами — открытое поле, которое тянется на версту, вплоть до лѣса,

четкою линіей подымающагося надъ горизонтомъ.

Въ лѣсу протекаетъ болотистая рѣчка Синюха.

А за нею лежитъ—СССР.

Я стою въ какой нибудь верстѣ отъ пограничнаго рубежа.

Взоръ жадно прикованъ къ заповѣдной чертѣ. Тщетно силится глазъ пронизать зеленую чащу, чтобы взглянуть, хотя бы мелькомъ, что творится въ фантастическомъ царствѣ, въ заколдованномъ государствѣ.

Ничего!

Рѣшительно ничего!

Во всѣ стороны раскинулся обычный латгальскій пейзажъ.

А на пашнѣ, подъ лѣсомъ, сидитъ воронья стая, съ карканьемъ, точно предупреждая о близкой опасности, кружится надъ деревьями и снова садится на пашню...

Бѣлые и Красные.

Брезжитъ тусклый разсвѣтъ и въ уютную келью рушонскаго почтаря вползаетъ сѣрое осеннее утро.

За перегородкой слышенъ озабоченный шопотъ хозяйки. А на комодѣ тикаетъ неугомонный будильникъ и, захрипѣвъ, поетъ знакомую пѣсенку:

„Куръ ту теци,
Куръ ту теци,
Гайлиты?“

И не хочется разставаться съ теплой постелью, подыматься съ первыми пѣтухами. А потомъ, проглотивъ стаканъ горячаго чая и закуривъ папиросу, мчаться на выстрѣлы, въ сырость, въ слякоть и грязь...

Въ мглистомъ туманѣ тонетъ поселокъ, кооперативъ, зданіе почты, корчма, порѣдѣвшая листва ясеней и березъ. На запасномъ пути чернѣютъ вагоны. Утренняя свѣжесть прохватываетъ насквозь.

Сегодня ожидается рѣшительный бой...

Нелегко, послѣ многолѣтняго перерыва, взгромоздиться опять на коня и вести его, въ шенкеляхъ, широкою рысью по скользкой дорогѣ. Однако, слѣдуетъ быть справедливымъ и, въ отношенiи предложенной мнѣ «Этикетки», кобылицы третьяго эскадрона, ничего предосудительнаго сказать не могу. Наоборотъ, я даже отмѣчу ея достоинства, превосходныя и съ точки зрѣнiя экстерьера и внутреннихъ качествъ...

Дорога кружится удивительнымъ образомъ, нанизывая одну петлю на другую, то взлетая на высокiя сопки, то опускаясь въ луговыя низины, мимо сонныхъ озеръ, хуторовъ, жиденькихъ рощицъ, болотъ, нивъ и озимыхъ полей. Вязкая жижа охватываетъ ногу по самую бабку и потоками грязи хлещетъ по сторонамъ.

Ахъ, эти латгальскiя проселочныя дороги, ставшiя за одну ночь чѣмъ-то вродѣ киселя, густого, вкуснаго, темно-коричневаго цвѣта!

Утопая въ глинистой слякоти, ползутъ одиночные люди, телефонисты, телеграфисты, повозки обоза, походныя кухни. Время отъ времени, проскачетъ везущiй донесенiе всадникъ. За бугромъ спряталась батарея и четыре орудiя грозно раскрыли свой зѣвъ.

А на холмахъ, въ стальныхъ шлемахъ, стоятъ отдѣльныя конныя группы, зорко всматривающiяся въ сизыя дали. Это диви-

зіонная конница, выдвинутая въ видѣ завѣсы, охраняющая фланги боевого порядка.

Порывъ колючаго вѣтра срываетъ листву съ деревьевъ и устилаетъ золотыми червонцами латгальскую грязь. Ду-ду! — жалобно стонетъ проволока телеграфныхъ столбовъ. Рельсовый путь уходитъ на безконечное разстояніе и скрывается въ синевѣ далекаго бора.

Гдѣ-то глухо бухаютъ пушки, стучитъ пулеметъ, доносятся одиночные выстрѣлы:

— Та-ку!.. Та-ку!..

И сразу, совершенно внезапно, безъ всякихъ предупрежденій, встрѣченная залпомъ въ упоръ, «Этикетка» дѣлаетъ крутую лансаду.

«Красная» рота заняла противоположный берегъ ручья.

«Бѣлая» рота, то цѣпями, то отдѣльными группами, перекатываясь съ горки на горку, искусно укрываясь за складками мѣстности, ведетъ наступленіе, приближаясь къ противнику, пытаясь форсировать рѣчку и схватиться съ врагомъ въ рукопашную.

А противникъ, цѣпляясь за рубежи, оказываетъ стойкое сопротивленіе и засыпаетъ рѣчку жестокимъ огнемъ.

Все чаще и чаще звучатъ артиллерійскіе и ружейные выстрѣлы:

— Бумммъ!.. Трахъ-тахъ!.. Тра-та-та-та!..

Стучитъ пулеметъ, взвиваются свѣтовыя ракеты, свистятъ свистки, раздаются звуки команды, бой разгорается по всей линіи и достигаетъ высшаго напряженія...

Высокая сопка находится въ центрѣ

подступовъ къ главной позиціи и служитъ превосходнымъ наблюдательнымъ пунктомъ. Развернувъ карты, съ биноклями въ рукахъ, военные атташе шести великихъ и малыхъ державъ слѣдятъ за развитіемъ боя. Слышна англійская и французская рѣчь. Офицеры генеральнаго штаба даютъ объясненія.

Но даже съ этой высокой точки, доминирующей, на подобіе маленькаго Монблана, надъ окружающей мѣстностью, тщетно зритель будетъ пытаться отыскать эффектную батальную сцену.

Сейчасъ нѣтъ ни вытянутыхъ въ струнку, шагающихъ во весь ростъ, стрѣлковыхъ цѣпей, ни прославленныхъ желѣзною стойкостью знаменитыхъ «карэ», ни блестящихъ атакъ «царицы полей сраженія» — конницы.

Все это въ прошломъ.

Картины же современнаго боя лишены красочнаго эффекта. Пѣхота зарылась глубоко въ землю, артиллерія совершенно укрыта отъ взоровъ, а конница давно очистила фронтъ и стянулась на фланги, уступивъ мѣсто разрушительному, могущественному, всесокрушающему огню...

Существуетъ еще рядъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ разобраться въ отдѣльныхъ фазахъ боевыхъ дѣйствій весьма нелегко.

Наблюденіе затрудняется крайнею пересѣченностью мѣстности, составленной изъ холмовъ и овраговъ, озерныхъ пространствъ, лѣсовъ и полей, съ разбросанными постройками хуторянъ.

Наконецъ, густой, какъ настоящія сливки, туманъ, въ рѣшительный часъ столкновенія, какъ будто нарочно, закрылъ плотной завѣсой весь рушонскій плацдармъ.

Была, правда, минута, когда солнце выглянуло изъ непроницаемой пелены, улыбнулось краешкомъ рта и, словно сконфузившись, спряталось снова. И снова все потонуло въ сѣромъ, бѣлесомъ туманѣ,

Безпросвѣтное небо и сопки, овраги и рѣчки, ружейный огонь и грохотъ орудій, отдѣльныя группы и точки, а подъ ногами— скользкая, вязкая глина, ассоціирующаяся невольно съ насморкомъ и бронхитомъ...

Все это трещало, гремѣло и чмокало часъ, другой, а можетъ быть даже и больше, пока на высокомъ холмѣ не прокатились, наконецъ, звуки отбоя:

— Тіу-тіу-ти!

Трубы и рожки подхватили сигналъ. И постепенно стихала ружейная трескотня и орудійная канонада. И поле покрылось выростающими изъ подъ земли стрѣлками въ боевомъ снаряженіи, всадниками на вороныхъ, рыжихъ, гнѣдыхъ коняхъ, повозками артиллерійскихъ запряжекъ.

Къ зданію школы стекались со всѣхъ сторонъ начальники и посредники, въ нарукавныхъ повязкахъ, верховые и пѣшіе, офицеры всѣхъ родовъ войскъ, въ шлемахъ и въ шапочкахъ, съ обвѣтренными, загорѣвшими лицами, въ высокихъ, полупудовыхъ отъ налипшей грязи сапогахъ, въ грубыхъ,

хранящихъ слѣды непогоды, походныхъ шинеляхъ.

Большіе армейскіе маневры закончены...

Вечерній поѣздъ уноситъ домой.

Одна за другою мелькаютъ сажени и версты. Но живы и ярки впечатлѣнія боевыхъ дней!

Передвиженія колоннъ и стрѣлковыхъ цѣпей, грохотъ орудій, барабанный бой пулеметовъ и трескъ винтовочнаго огня...

Латгальская грязь и галопъ «Этикетки», вѣтеръ, слякоть, музыка телеграфныхъ столбовъ...

И келья рушонскаго почтаря, и молодая хозяйка, Валерія Антоновна, и никелированный стражъ, на пузатомъ комодѣ, съ знакомою пѣсенкой:

„Куръ ту теци,
Куръ ту теци,
Гайлиты?“

Осеннія скрипки.

Сентябрь—точно капризная дамочка, еще достаточно интересная и, во многихъ отношеніяхъ, даже пріятная.

Выразительные глаза съ поволокой, въ которыхъ майскій блескъ юности замѣненъ сентябрьской истомой.

Это нравится многимъ.

Зубки, какъ перламутръ, если не считать двѣ золотыя коронки въ углу.

Это нравится меньше и скрывается особой улыбкой.

Губки, чуть тронутыя карминомъ, безукоризненны.

Мимо нихъ не пройдешь!..

Не дезавуируешь!..

Есть еще порохъ въ пороховницахъ!..

Но это что?

— Это — ужасъ!

Это то, что называется «гусиными лапками»... Мелкіе предательскіе штришки въ уголкѣ каждаго глаза... Не поддающіеся ни пудрѣ, ни крему, ни даже массажу...

А эта бѣлая ниточка въ бархатномъ акрошкерѣ?

— Бррръ!..

Ледяная волна подползаетъ къ самому сердцу.

То улыбками, то истериками, въ зависимости отъ настроенія, даритъ рижскій сентябрь.

Но когда смѣется осеннее солнышко, когда играетъ веселыми зайчиками на липахъ городского бульвара, на золотыхъ ананасахъ Шварца, на парижскихъ галстукахъ и пулловерахъ Луи Таля—вспоминается май.

Веселый май, зеленый май!..

Интерпеляція, ратификація, вся повседневная проза—мимо и мимо.

Проза—потомъ, въ октябрѣ.

А сейчасъ—къ солнцу, къ поэзіи, къ радостямъ жизни!..

И отъ асфальта бульвара Свободы резиновыя подошвы несутъ къ аллеямъ Стрѣлковаго Сада... Отъ раззолоченныхъ кленовъ Царскаго Парка къ гранитному молу рѣки...

Въ шумѣ, смѣхѣ, въ грохотѣ столичнаго гула—звенитъ торжественная симфонія.

А вотъ и Синяя Птица, мелькнувшая въ голубенькой кофточкѣ!..

Четко грохочутъ колеса по стыкамъ:

„Не унывай,
Садись въ трамвай,
Такой пустой,
Такой шестой!..

Справа—слѣва плыветъ волшебная панорама—мавританскіе замки и башни, кирки

и шпицы, кіоски съ газетами и будки-грибки съ леденцами, папиросами, фруктовой водой, тирготавы и храмы, пашпуйки и картибнѣки, дрейдиле, локали и дансинги, рижскіе фурманы въ черныхъ крылаткахъ и плюшевыхъ картузахъ, старые латанные такси и желтые автобусы Анненмуйжа, золотая зелень садовъ, астры, піоны, аметистъ Городского Канала и безлощадный пьедесталъ на бульварѣ Свободы.

Еще минута – и городъ уже позади...

Словно балерины въ «коръ де бра», протянулись нарядныя ветелки. Садики, огороды, домики съ мезониномъ...

Вмѣсто политической кухни—здоровый запахъ капусты и щей.

Вмѣсто джацъ-банда — басъ-профундо Барбоса.

Мысли плывутъ, растекаются, точно барашки въ голубомъ небѣ...

Но хмурится, морщится, плачетъ рижскій сентябрь.

Сѣрыя тучки гуляютъ по пасмурному лицу. Словно пудра, осыпаются пожелтѣвшіе листья. И звенитъ по кустамъ воробьиная пѣсня:

„Чирикъ-чирикъ,
Намъ холодно,
Чирикъ-чирикъ,
Намъ голодно...“

Это уже не симфонія, а скорбный хоралъ, Аве Марія... Все стало сиротливымъ,

печальнымъ. Домики съ мезониномъ закутались въ траурную фату. Корявыя ветлы, точно горемыки на паперти, простираютъ руку за подаяніемъ.

Влаженъ асфальтъ панелей и сверкаетъ отъ слезъ.

И только на бульварѣ Свободы, въ вечерѣющихъ небесахъ, надъ крышею Зингера, бѣгаютъ, точно огненные глаза, такія теплыя, такія вкусныя, такія душистыя строчки:

— Альгамбра!.

— Шоколадъ Лайма!..

— Папиросы Лилія Штенгель!..

КОНЕЦЪ.

Содержаніе.

1. Интермеццо у моря.
2. Бастіонная Горка.
3. Верманскій Паркъ.
4. Лотошники на Взморьѣ.
5. Приключенія Барона Мюнхгаузена.
6. Храмъ Терпсихоры.
7. Летучія интервью.
8. По законамъ хирологіи.
9. Лулу.
10. Даугавгрива.
11. Буль.
12. Островъ Даленъ.
13. Майскій конкуръ.
14. Сонъ въ лѣтнюю ночь.
15. Митавская панорама.
16. Крейсера на Двинѣ.
17. Хой и Хао.
18. На штрандѣ.
19. Ливонская Калифорнія.
20. Рижскій калейдоскопъ.
21. Бабье лѣто.
22. Городокъ въ табакеркѣ.
23. Наши кентавры.
24. Фейманы.
25. Бенгальскіе тигры.
26. Фелиціаново.
27. Эверсмуйжа.
28. Языкъ ножекъ.
29. Вечеръ на Лжѣ.
30. Цибла.
31. Бѣлые и Красные.
32. Осеннія скрипки.

Того же автора:

1. **Императорскіе Фазаны.** Разсказы. Распродано.
2. **Золотые Корабли.** Скитанія Распродано.
3. **Орхидея.** Тропическія рифмы. Распродано.
4. **Легкая Кавалерія.** Разсказы. Распродано.
5. **Китайскія Тѣни.** Романъ. Книга первая. Распродано.
   Im Schatten des Drachen. Übers. v. R. Frhr. v. Campenhausen.
   Chinskie Cienie. Przeklad Edmunda Iezierskiego.
6. **Островъ Жасминовъ.** Романъ. Книга вторая.
7. **Парижскія Ночи.** Романъ. Книга третья. Въ печати.
8. **Красный Хороводъ.** Повѣсть въ двухъ книгахъ.
9. **Зеленый Май.** Латвійскія новеллы.
10. **Волчій Смѣхъ.** Разсказы. Въ печати.
11. **Гусарскія Сказки.** Разсказы. Въ печати.
12. **Оружіе Боговъ.** Романъ. Въ печати.
13. **Романъ Царевича.** Приморскій Романъ. Въ печати.

